

История СССР за рубежом

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ БУРЖУАЗНОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ (К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ А. Н. РАДИЩЕВА И Г. РЕЙНАЛЯ)

Е. Г. ПЛИМАК

Все большее влияние на методологию современной буржуазной историографии и литературоведения оказывает компаративизм — сравнительное изучение литературы, политической мысли, культуры разных стран¹. Немало компаративистских исследований посвящается истории русской общественной мысли.

За последние 10—15 лет исследованием «западных источников» идей одного только Радищева занимались в ФРГ, Англии и США. «Радищев и Гердер», «Радищев и Стерн», «Западные источники политической мысли Радищева», «Радищев, Англия и Америка» — таковы темы изысканий историков К. Биттнера, Р. Талера и Д. Лэнга².

Мы сосредоточим внимание на работах Д. М. Лэнга и только на одной из поставленных им проблем: идейных связей Рейналя и Радищева. Подобное ограничение диктуется рядом соображений. Книга Рейналя «История двух Индий» действительно оказала большое влияние на Радищева, характер и степень этого влияния остаются, несмотря на отдельные экскурсы В. П. Семенникова, Г. А. Гуковского и других советских историков в эту тему, невыявленными в нашей литературе. Здесь все еще сохраняется ошибочное противопоставление революционера Радищева Рейналю и другим французским просветителям, будто бы «совершенно чуждым» идее народного восстания³. Анализ источников, напротив, позволяет утверждать, что именно эта идея сближала (при всех существенных различиях буржуазного демократизма Рейналя и крестья-

¹ Известное представление о роли компаративизма в современной буржуазной науке дают материалы 2-го международного конгресса литературоведов-компаративистов, состоявшегося в США в 1959 г. См. «Comparative Literature. Proceedings of the Second Congress of the International Comparative Literature Association at the University of North Carolina», 1959, vls. 1—2.

² К. Bittner. J. G. Herder und A. N. Radishev, «Zeitschrift für slavische Philologie», v. XXV, Hft. I, Heidelberg, 1956; D. M. Lang. Sterne and Radishev; An Episode in Russian Sentimentalism. «Revue de Littérature Comparée», Paris, 1947, N 2; D. M. Lang. Some Western Sources of Radishev's Political Thought, «Revue des Etudes Slaves», XXV, 1949; A. Mc Connell. Radishev's Political Thought, «American Slavic and East-European Review», v. XVII, 1958, N 4; R. P. Thaler. Radishev, Britain and America, «Harvard Slavic Studies», v. IV, 1957.

³ См., напр., «Очерки истории исторической науки в СССР»: «Идея народного восстания была совершенно чужда французским просветителям — идеологам буржуазии. Во французском Просвещении нельзя указать мыслителя, подобного Радищеву, идеологу и пропагандисту крестьянской войны» (т. I, М., 1955, стр. 228).

янского демократизма Радищева) политические концепции обоих мыслителей.

Сразу же предупредим, что десятилетние изыскания самого Лэнга вносят мало ясности в данный вопрос: Лэнг не только отрицает существование революционных идей во французском Просвещении конца 70—начала 80-х годов XVIII в., но и пытается доказать «нереволюционность» Радищева. Но разбор работ Лэнга будет полезен в качестве отправного пункта исследования. Кроме того, он позволит выявить некоторые специфические особенности буржуазной компаративистики в отличие от сравнительного метода марксистской исторической науки.

1. НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕРЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА Г-НА ЛЭНГА

Неизвестно, что толкнуло Дэвида Маршалла Лэнга — бывшего дипломата и специалиста-востоковеда⁴ на изучение истории русской прогрессивной мысли XVIII в. вообще и Радищева в частности. Может быть, его просто увлекла неповторимая эпоха в духовной жизни страны, взволновали строки радищевского «Путешествия» — судить трудно. Во всяком случае Лэнгу нельзя отказать в целеустремленности и систематичности работы⁵, знании большого фактического материала. Вряд ли случайно и то, что в западной буржуазной историографии Лэнг стал автором первой и пока единственной монографии о Радищеве⁶.

Отношение Радищева к французскому Просвещению XVIII в. Д. М. Лэнг впервые сделал предметом своего анализа в статье «Некоторые западные источники политической мысли А. Н. Радищева». Исследование носило явно полемический характер; оно открывалось заявлением о несправедливости царского приговора Радищеву и необъективности советских оценок Радищева. «Императрица Екатерина, — писал Лэнг, — сочла его „бунтовщиком хуже Пугачева“, в то время как советские литературоведы более или менее неубедительно пытались представить его чем-то вроде незадачливого революционного подстрекателя (revolutionary firebrand). Оба эти взгляда преувеличены. Идеология философского радикализма XVIII в. имеет мало общего с обликом Пугачева или Марата. Для того чтобы понять идеи Радищева в их исторической перспективе, важно определить источники, из которых он их заимствовал, и ту форму, которую они приняли в его сочинениях»⁷.

Политические антипатии Лэнга были ярко запечатлены в характеристике западных учителей Радищева, Рейналя прежде всего. Сообщив, что первое издание его «Истории двух Индий» (1770 г.) было «компиляцией» статистических данных и коммерческой информации обо всех колониальных державах мира, «приправленной изрядной долей модного морализирования и антиклерикальных тирад, рассчитанных на читающую публику», что сам Рейналь был разочарован пересмотренным вторым изданием (1774 г.), Лэнг продолжал: «В погоне за славой скандалиста он поручил Дидро коренным образом переработать весь труд, добавив туда большое количество чувствительных описаний, философ-

⁴ Во время второй мировой войны Д. М. Лэнг был личным секретарем британского посла в Иране, затем работал в Институте восточных и африканских исследований (The School of Oriental and African Studies), специализируясь по проблемам Грузии и Кавказа. Им написаны книги «Lives and Legends of the Georgian Saints», «The Wisdom of Balahvar; A Christian Legend of the Buddha», «The Last Tsars of the Georgian Monarchy, 1658—1832», «A Modern History of Georgia».

⁵ Помимо указанных выше двух работ Д. М. Лэнга, им были опубликованы в 40-х годах статьи: «Radishchev and the Legislative Commission of Alexander I» («American Slavic and East-European Review», v. VI, 1947, N 18—19); «La légende de Radishchev en Panthéon» («Revue des Etudes Slaves», XXIV, 1948); «Some Forerunners of the Decembrists» («The Making of Modern Europe», I, N. Y., 1951).

⁶ D. M. L a n g. The First Russian Radical Alexander Radishchev, 1749—1802, London, 1959, 298 p.

⁷ «Revue des Etudes Slaves», XXV, Paris, 1949, p. 73.

ских сентенций и выпадов против самодержавия, способных произвести сенсацию. Третье издание, напечатанное в Женеве в 1780 г., было осуждено парижским парламентом, а Рейналь вынужден был уехать в Германию. Как раз в 1780 или 1781 гг. — в разгар всех этих событий Радищев впервые прочел труд Рейналя... Скоро он увлекся сентиментальными речами Рейналя и его многочисленных соратников и возымел мысль написать в подражание их стилю собственное произведение, рисующее ужасы крепостничества...»⁸.

«Модное морализирование», погоня за «славой скандалиста», выпады, «способные произвести сенсацию», — подобные оценки Лэнга показывают, что сам он отнюдь не симпатизирует «крайним» увлечениям радикальных мыслителей XVIII в. и уж, во всяком случае, не склонен переоценивать их. Но посмотрим внимательнее, к каким выводам приводит Лэнга конкретный сравнительный анализ.

Цитируя выпады Рейналя и Дидро против абсолютизма и самодержавия, Лэнг пишет: «Они не останавливаются перед проповедью восстания и убийства тирана. Так, мы читаем: „Большинства наций в цепях. Массы принесены обычно в жертву страстям нескольких привилегированных угнетателей... Повсюду нелепые суеверия, варварские обычаи, устаревшие законы душат свободу... Но свобода родится в недрах угнетения. Она во всех сердцах, она проникнет благодаря сочинениям публицистов в просвещенные души и благодаря тирании в душу народа. Все люди, наконец, почувствуют — и день пробуждения недалек, — что свобода — первый дар неба, как и первое семя добродетели. Орудия деспотизма обернутся против него самого...“ (III, 200, 317; IV, 552)⁹. В этих зловещих строках так и слышен гул надвигающейся революции»¹⁰.

Недоумение возрастает, когда в той же работе мы встречаем следующее сопоставление: «И если Рейналь пророчествовал, что поработанные негры однажды поднимут бунт и истребят своих господ, а „американские поля восторженно упьются кровью, которой они жаждут столько времени“, то и Радищев предвидит, что рано или поздно рабы разобьют бесчеловечные головы своих господ и обгарят их кровью нивы свои»¹¹.

Дальше в лес — еще больше дров. Та же статья сообщает, что и Рейналь и Радищев восторженно восприняли Американскую революцию и, более того, предвидели революцию в России: «В конце оды, — пишет Лэнг, — Радищев предсказывает, что Россия будет потрясена великой революцией и раздроблена на несколько автономных федеративных государств; это событие возвестит царство свободы. Таков же и взгляд Рейналя на Россию»¹².

Что же остается после этих признаний г-на Лэнга от его собственного исходного тезиса о малой причастности «философского радикализма XVIII в.» к идеям революции?

⁸ Ibid., p. 76—77. Лэнг приводит в статье свидетельство активного участия Дидро в подготовке 3-го издания «Истории двух Индий». В 1777 г. Ла Шармотт (La Charmotte), брат зятя Дидро, писал своей матери: «Вы спрашиваете, что делает Дидро в деревне? Он просматривает и исправляет труды одного аббата, своего друга, он был занят этой работой три или четыре месяца». Подробнее вопрос о соавторстве Дидро и Рейналя освещен в книге: H. Wolpe. Raynal et sa machine de guerre. «L'Histoire des deux Indes» et ses perfectionnements (Stanford, California, 1957, p. 10—13, 186—252). В статье A. Feugère. Raynal. Diderot et quelques autres historiens des deux Indes («Revue d. Hist. Litt. de la France», XX, 1913) указаны и другие сотрудники Рейналя (Deleyte, Dubreuil, Pechmeja, Valadier, Saint-Lambert, Lagrange, Naugeon).

⁹ Здесь и далее все высказывания Рейналя цитируются по 4-томному изданию: G. Th. Raynal. Histoire philosophique et politique des Etablissements et du Commerce des Européens dans les deux Indes, Genève, 1780. Римской цифрой в тексте обозначен том, арабской — страницы.

¹⁰ «Revue des Etudes Slaves», XXV, 1949, p. 79. (Подчеркнуто нами. — Е. П.).

¹¹ Ibid., p. 82.

¹² Ibid., p. 81—82.

Самоопровержение, начатое, таким образом, еще в 1949 г., Лэнг блистательно завершил десять лет спустя в своей монографии «Первый русский радикал». В ней недвусмысленно утверждает революционность и Рейналя и Радищева. Признав, что «История двух Индий» призывала «к мятежу и убийству тиранов», Лэнг продолжает: «Не удивительно, что красноречивого экс-иезуита несколько лет спустя приветствовали как одного из пророков Французской революции»¹³. Далее Лэнг приводит призыв Радищева к расправе над помещиком-кровопийцей из главы «Вышний Волочек» («Сокрушите орудия его земледелия; сожгите его риги, овины, житницы, и развейте пепл по нивам...» и т. д.) и заключает: «Не удивительно, что читая эти строки, Екатерина Великая сочла Радищева бунтовщиком хуже Пугачева!»¹⁴. Итак, достаточно было зазвучать на страницах книги 1959 г. собственным словам революционера Радищева, как исходные положения лэнговской статьи 1949 г. разлетелись в прах. «Пророческий благовест революции» доносится до ушей Лэнга и при чтении главы «Медное», а ода «Вольность», на его взгляд, «предвосхищает идеологию французских революционеров 1789 г. и русских революционных демократов более поздних времен!»¹⁵.

Кажется, ясно: и Рейналь и Радищев были людьми, одобрявшими революционный образ действий, а Лэнг, неосторожно цитируя их высказывания, доказал как раз то, против чего собирался выступать. Но не будем спешить: монография извещает о наличии в радищевском «Путешествии» и умеренно либеральных обращений русского мыслителя к царствующим особам, навеянных, разумеется, все той же книгой Рейналя.

Пересказав главу «Спасская Полесь», Лэнг пишет: «Ясно, что бедный Радищев вообразил себя в роли искреннего советника, которого сказочная фея из „Сна“ поручает благосклонности государя, в роли человека „из среды народных“, который должен был „твердым гласом“ провозгласить послание Истины. Вне сомнения, Радищев был снова увлечен здесь примером Рейналя, который высокопарно извещал читателей „Истории двух Индий“: „Я рассказал государям об их обязанностях и ваших правах. Я напомнил им о пагубных последствиях бесчеловечной власти, которая угнетает, или безвольной и слабой власти, которая терпит угнетение. Я нарисовал им картины ваших бедствий, и их сердце должно было дрогнуть. Я предостерег их, что, если они отвернут прочь свои взоры, эти правдивые и ужасающие картины будут высечены на мраморе их могильных плит и навлекут проклятие на их прах, который потомки будут топтать ногами“ (V, 706)»¹⁶.

Итак, положение усложняется. Из работ Лэнга как будто явствовало, что и Рейналь и Радищев были революционерами, призывавшими угнетенные народы подняться на освободительную борьбу. Теперь оба мыслителя оказываются умеренными реформаторами, просвещавшими царей. В какой мере все это соответствует действительности?

2. ИДЕЯ НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ — ОБЪЕДИНЯЮЩАЯ ЧЕРТА ПРОИЗВЕДЕНИЙ РЕЙНАЛЯ И РАДИЩЕВА

Как может легко убедиться читатель трудов Лэнга, весь сравнительный анализ идет у него по линии сопоставления отдельных тирад «Истории двух Индий» и «Путешествия из Петербурга в Москву», причем нигде исследователь не делает попыток сравнить концепции изучаемых им мыслителей. Но только этот путь дает ответ на вопрос: в чем сходство и различие разбираемых произведений.

¹³ D. M. Lang. The First Russian Radical..., p. 107—108.

¹⁴ Ibid., p. 166.

¹⁵ Ibid., p. 172, 175—176.

¹⁶ Ibid., p. 143—144.

Политическая концепция французского Просвещения, представленная в третьем издании «Истории двух Индий», почти не привлекала до сих пор внимания историков — не только русских, но и зарубежных¹⁷, — а между тем она крайне показательна для эволюции французской просветительской мысли (напомним, что третье издание вышло всего за 8—9 лет до начала Французской революции).

Формально говоря, Рейналь и его друзья занимались довольно узким сюжетом — историей колонизации Азии и Америки европейцами. Но поскольку они считали своим долгом рассказать читателю не только о колониальных завоеваниях, климате, богатствах, общественном строе, быте покоренных народов, но и об истории, политическом устройстве тех стран, откуда экспедиции направлялись (Испании, Англии, Франции, Португалии, и т. д.), поскольку, не ограничиваясь этим, они подробнейшим образом описывали страны, лежащие рядом с колониями (такие, как Китай, Россия, Япония и т. д.), поскольку, помимо всего прочего, они включили в книгу ряд теоретических глав,¹⁸ — то в результате читатель получил еще одну энциклопедию, гигантскую сумму географических, статистических, исторических фактов, собранных воедино и обработанных в свете принципов просветительской мысли. Широта замысла определила и огромные размеры издания, выросшего до 19 книг.

Цель всех этих изысканий была, собственно говоря, одна — выяснить соответствие порядков, вводимых европейцами в «Индиях» (как, впрочем, и существующих в самих европейских странах), принципам того «разумного» общественного устройства, которые были установлены просветительской философией XVIII в. Правда, отдельные признаки конкретно-исторического подхода к общественным явлениям заметны в книге Рейналя. Так, он связывает прогресс Европы не столько с распространением «света разума», сколько с ликвидацией феодальных институтов, ростом промышленности и особенно торговли, которую относит к главным движущим силам цивилизации. Но эти отдельные элементы истории не мешали Рейналю оставаться на позициях идеализма в социологии: в любом месте, безотносительно к уровню развития изучаемой страны, он мог начать рассмотрение ее порядков в свете абстрактных, внеисторических принципов «природы», «естественной справедливости», идеалов, «свободы», «разума» и т. п.

Особенно любопытна — своим промежуточным, переходным характером — политическая концепция Рейналя. Упования на венценосных преобразователей и законодателей еще сохраняются в «Истории двух Индий» — об этом свидетельствуют хотя бы почтительное наставление Людовику XVI, хвалебный гимн Фридриху II, которого Рейналь награждает титулом «короля-философа», призывы к будущим испанским монархам «загладить преступление своих предшественников» и т. д. (I, 469—475, 591—596; II, 356 и др.). Но прошлое — а Рейналь проследил историю почти всех стран мира — дает ему мало обнадеживающих примеров добрых дел государей. Во всем мире (исключая, быть может, несколько «республик дикарей» — I, 64) видны угнетение и тирания. Повсюду народы обращены в собственность горстки угнетателей, причем это положение характерно и для тех европейских стран, где, казалось бы, царствуют «разумные» и даже идеальные короли вроде Фридриха II. Пока

¹⁷ Исследование Г. Вольпе «Рейналь и его боевая машина. „История двух Индий“ и ее переиздания» вышло совсем недавно. Сам Вольпе отмечает: «Можно удивляться тому безразличию, которое современная критика проявляла до настоящего времени по отношению к „Истории двух Индий“». (H. Wolpe. Op. cit., p. 7).

¹⁸ Обобщающая, 19-я книга «Истории двух Индий» включала разделы: 1. Религия, 2. Правительство, 3. Политика, 4. Война, 5. Флот, 6. Торговля, 7. Сельское хозяйство, 8. Мануфактуры, 9. Население, 10. Налог, 11. Общественный кредит, 12. Искусство и литература, 13. Философия, 14. Мораль, 15. Размышления о добре и зле, причиненном Европе благодаря открытию Нового Света.

что и этот король прославился лишь на поле брани, и Рейналь только советует ему повторить свои подвиги на поприще гражданских преобразований, стать не только «королем-воином», но и «королем-гражданином» (I, 595). Более существенно другое. Рейналь приходит к выводу о вреде всех тех реформ, которые могут или будут совершать государи, сохраняющие неограниченную самодержавную власть. Излагая речь английской королевы Елизаветы, «которая могла бы послужить уроком для всех государей» (королева провозглашала целью короны заботу о народе), Рейналь замечает: «Судя по этой мудрой речи можно было бы поверить, что справедливый, непреклонный, просвещенный деспот был бы лучшим из государей; но как можно забыть о том, что во время его правления, если оно будет длительным, люди забудут о своих правах, не имея случая настаивать на них... Рано или поздно деспот либо слабый, либо жестокий, либо глупый наследует всемогущей власти, которая не встречала никакого противодействия. Народы, которых она угнетает, считают, что их удел — быть угнетенными. Они утратили чувство свободы, которое поддерживается только упражнением. И, может быть, англичанам не хватило как раз трех Елизавет, чтобы стать последними из рабов» (I, 268—268).

Общий смысл этого и аналогичных рассуждений понятен. Только давление народа, его самостоятельность, его постоянное «упражнение» в борьбе за свободу могут гарантировать его права. Еще яснее звучит та же мысль в другом месте, где Рейналь опровергает утверждение о том, что в Китае существует «ограниченная власть». «Как и кем она ограничена в Китае? — спрашивает Рейналь. — Если стена, которая ограждает народ, не оцетинилась пиками, мечами, штыками, направленными в грудь или священную голову императора, отца и деспота, мы опасаемся, что эта стена является в Китае всего только огромной паутиной, на которой намалевали облик свободы и справедливости, но сквозь которую человек с хорошим зрением различает отвратительную голову деспота. Разве много тиранов свергнуто, брошено в тюрьмы, казнено? Разве виден на площади эшафот, постоянно орошаемый кровью государей? Почему всего этого нет?» (I, 120).

Часто возвращается Рейналь и к истории «страны великих политических событий» — Англии. Именно здесь свобода выдержала жестокую, но победоносную схватку с деспотизмом, «именно здесь один король, отправленный законным образом на эшафот, и другой, низложенный вместе со всем своим родом по приговору нации, дали великий урок земле» (I, 17; IV, 407; III, 509 и др.).

Та же логика исторических фактов, осмысливаемых Рейналем, заставила его сделать еще один шаг вперед: перейти от просвещения монархов и законодателей к революционному призывам. Колонизация Азии и Америки — одна из самых зловещих в истории человечества страниц — предстала перед ним в таком отвратительном свете, европейцы, в том числе и англичане, «гордые своей свободой, но покушающиеся на свободу других» (III, 563; IV, 402), принесли столько крови, угнетения, всякого рода лжи и насилия «цивилизуемым» народам, что Рейналь проникся бескомпромиссной ненавистью к колонизаторам. «Европейские варвары! — восклицает он, — Слава ваших походов не смогла обмануть меня. Успех их не скрыл от меня их несправедливости. Мысленно я часто поднимался на борт ваших кораблей, увозивших вас в дальние страны. Но, сойдя вместе с вами на берег и став свидетелем ваших злодеяний, я покинул вас. Я поспешил встать в ряды ваших врагов, я поднял на вас оружие, я омыл свои руки в вашей крови. И ныне я торжественно клянусь: если я когда-либо перестану смотреть на вас как на стаю алчных и свирепых стервятников, так же лишенных морали и совести, как эти хищные птицы, пусть память обо мне, если мне суждено ее оставить, будет предана полному забвению и проклятию» (I, 139).

Прямые обращения к поработленным народам, пропаганда вооруженной борьбы за свободу — эти, едва различимые в первом издании «Истории двух Индий», нотки совершенно отчетливо зазвучали со страниц третьего издания. «Новым фактом огромной важности, — свидетельствует Вольпе, — стала в третьем издании Американская революция, которую Рейналь воспеваает с неистовым энтузиазмом»¹⁹. Именно это событие окончательно утверждает Рейналя в мысли о прогрессивном характере народных революций вообще. Отделяя распри, возникающие ради утверждения нового тирана, дележа награбленного и т. п. от гражданских войн, Рейналь именует последние «счастливыми волнениями», он говорит о «благе» подобных потрясений, утверждает, что за периодами мимолетных бедствий, вызванных ими, наступают «эпохи наибольшего блаженства» (II, 155; III, 516 и др.). Совершенно открыто славит теперь Рейналь эпоху Английской революции, во время которой «оружие стало единственным арбитром» в споре нации с королем (IV, 484). Со страстью и воодушевлением он пропагандирует памфлет Пейна «Здравый смысл», призывающий американских колонистов к вооруженной борьбе: «Мы имеем право взяться за оружие. Нашими правами являются необходимость, справедливая оборона, несчастья нас самих и наших детей, нанесенные нам обиды... Пусть нас судит меч. Отныне нас может рассудить только суд войны» (IV, 412—414 и др.).

И если в целом «Историю двух Индий» еще нельзя признать последовательным революционно-демократическим произведением, то маленькое извлечение из нее под названием «Американская революция» (1781 г.) можно смело ставить в один ряд с произведениями Марата или Томаса Пейна, тем более, что солидарность Рейналя с последним документально зафиксирована на страницах его труда (IV, 412—417).

Наличие революционно-демократических идей в «Истории двух Индий» Рейналя превратило книгу, как метко заметил Вольпе, не только в орудие просвещения, но и в орудие войны, боевую машину (*une arme de combat, une machine de guerre*). Исследователь творчества Рейналя Фёжер полагал, что в конце XVIII в. появилось до 70 (!) оригинальных и поддельных изданий книги. Тот же Вольпе, отмечая популярность Рейналя в 70—90-е годы, пишет, что «История двух Индий» была известна в Новом Свете не меньше, чем в Европе. «Ее читали с жадностью в Северной Америке, где более 25 тыс. экземпляров будто бы было распространено среди колонистов с целью толкнуть их на бунт»²⁰.

Дошли идеи Рейналя в начале 80-х годов и до России. Здесь, разумеется, не было 25 тыс. читателей книги Рейналя. Но и в России нашлись люди — среди них Радищев, — способные откликнуться на его призыв. Это совсем не означает, что простое желание «подражать», увлечение «сентиментальными речами Рейналя и его многочисленных соратников», как утверждал Лэнг, вызвали революционный протест Радищева против русской действительности. «За примером жестокосердия, — писал автор «Путешествия», — не имеем нужды ходить в дальняя страны, ни чудес искать за тридевять земель; в нашем царстве они в очью совершаются».

Суть дела в другом: книга Рейналя пропагандировала опыт победоносных западных революций XVI—XVIII вв., и этот опыт открыл Радищеву глаза на будущее России. И когда Радищев, отвечая в оде «Вольность» на рейналевские дифирамбы по адресу Американской революции, писал:

«Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил...»,

¹⁹ H. Wolpe. Op. cit., p. 115.

²⁰ Ibid., p. 8, 9.

то это была не просто случайная фраза. В ней нашел отражение огромной важности факт — использование идеологом более отсталой страны опыта стран более передовых. Не абстрактным идеалам свободы, как утверждают буржуазные авторы, а урокам победоносной вооруженной борьбы народа за свое освобождение учился Радищев у Рейналя:

«Возри на беспредельно поле,
Где стерта зверства рать стоит:
Не скот тут согнан поневоле,
Не жребий мужество дарит,
Не гряда правильно стремится,—
Вождем тут воин каждой зрится,
Кончины славной ищет он.
О воин непоколимой,
Ты есть и был непобедимой,
Твой вождь — свобода, Вашингтон»²¹.

Таким образом, приходится внести существенные коррективы в бытующую у нас упрощенную формулу, согласно которой «сочувственное отношение к революции, признание ее неизбежности для освобождения угнетенного человечества резкой гранью отделяло Радищева от современных ему западных просветителей и радикальных мыслителей XVIII века, которые не шли дальше просвещенного абсолютизма»²². Пример Рейналя и Дидро подтвердил, что французское Просвещение сделало в эпоху Американской войны за независимость, «прозвучавшей набатным колоколом для европейской буржуазии» (Маркс)²³, громадный шаг вперед — к изживанию концепций «просвещенного абсолютизма», к революционному демократизму. Именно эти новые идеи воспринял и отразил Радищев сначала в оде «Вольность», затем в «Путешествии».

Можно обнаружить немало других точек соприкосновения между Рейналем и Радищевым. Созвучны их высказывания о бескорыстном служении писателя истине, принципиальное осуждение любых форм угнетения человека человеком — будь то крепостничество, колониальное рабство, политический деспотизм, мысль о союзе суверенитетов политического и священного, отстаивание безусловной свободы мысли и слова, попытки столкновать деистически понятие «бог», объявить его гарантом свободы, синонимом справедливости, идея кругооборота свободы и рабства и т. д.²⁴. Несомненно и то, что Радищев воспринял хотя бы часть этих идей (в той или иной мере присущих всей антифеодальной просветительской идеологии XVIII в.) непосредственно у Рейналя.

Но, установив принципиальное сходство многих идей Радищева и Рейналя, мы должны перейти сразу же к выявлению существенных расхождений между ними. Впрочем, иначе и быть не может: глубокий, мыслящий ученик никогда не останавливается на идеях своих учителей.

3. ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ ВЗГЛЯДОВ РЕЙНАЛЯ И РАДИЩЕВА. ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ АНТИМОНАРХИЗМ — ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РАДИЩЕВА

Отказ от выявления принципиальных пунктов общности в мировоззрении Рейналя и Радищева, сравнение отдельных цитат, а не концепций — не единственная черта «сравнительного метода» Лэнга. Не менее

²¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, М.—Л., 1941, стр. 11, 14, 324.

²² См. Н. Л. Степанов. Жизнь и творчество А. Н. Радищева, М., 1949, стр. 16.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 9.

²⁴ Ср. Рейналь. История двух Индий, I, р. 2 и А. Н. Радищев. Указ соч., стр. 390, I, р. 39 и стр. 332, 344; IV, р. 402—403 и стр. 269, 361—362, 391—392; IV, р. 473 и стр. 361 и т. д.

характерно для него отсутствие историзма. В работах английского историка нельзя найти никаких указаний на то, что европейская просветительская идеология претерпела как раз в период 70—80-х годов громадную эволюцию в своем содержании.

Выше упоминалось о том, какой глубокий след оставили во взглядах Рейналя события Американской революции, в самый разгар которой он вместе с Дидро и другими сотрудниками приступил к последней, радикальной переработке своего труда. Подавляющего большинства приведенных выше революционных идей либо вообще нет в изданиях 1770, 1774 гг., либо они присутствуют там в зародышевой форме. Так, заключение первого издания глухо предупреждало английских колонизаторов о неминуемой революции — в третьем издании десятки страниц отводятся урокам свершившейся революции. В первом издании любые вооруженные раздоры именовались «гражданскими войнами» (*guerres civiles*), теперь этот термин четко противопоставлен термину «распри, раздоры» (*dissentions*). Осторожные намеки первого издания о «поучительности» событий Английской революции дополняются прямыми упоминаниями об эшафотах, воздвигнутых для тиранов-королей и т. д. и т. п. Упоминанная нами речь королевы Елизаветы служила прежде лишь «уроком для всех государей». Комментарий к этой речи в третьем издании превратил ее в поучение народам — предупреждение о непрочности преобразований, совершаемых руками абсолютных монархов. В первом издании патриархально-монархический Китай выглядел государством едва ли не самым совершенным на земле, его общественное устройство объявлялось «уроком мудрости и управления» для всех стран. В третьем издании к этому разделу, получившему заглавие «Состояние Китая согласно его панегиристам», был прибавлен раздел «Состояние Китая согласно его хулителям», в котором самым детальнейшим образом опровергались все утверждения панегирика. В первом издании Рейналь, бичуя работорговлю, обращал к королям призывы «ниспровергнуть здание рабства», в третьем, почти разуверившись в пользе подобных обращений, он заявляет, что восставшие рабы сами разобьют свои цепи. И хотя в последнем, третьем издании сохраняются прежние, а порой вводятся и новые почтительные обращения к монархам, однако не эти поучения задают теперь тон. Идея революции становится лейтмотивом произведения²⁵.

Целый ряд новых моментов просветительская идеология приобрела и в ходе дальнейшей эволюции, в частности, в трудах Радищева.

Начнем с того, что у Радищева заметно стремление к переводу абстрактных просветительских формул, столь характерных для Рейналя, на более конкретный политический язык. Обратим внимание на следующие сопоставления Лэнга, сделанные в статье 1949 г. и повторенные в его книге. «Следуя обычной в XVIII в. манере, — пишет Лэнг, — Рейналь, частично под влиянием Дидро, особое внимание придавал роли религиозных предрассудков в установлении политической тирании. „Религия, — читаем мы, — была повсюду изобретением ловких политиков, которые, не найдя у себя средств управлять себе подобными по собственной прихоти, нашли на небесах отсутствовавшую у них силу и благодаря этому развязали террор на земле“» (I, 39). Лэнг приводит еще одно аналогичное высказывание Рейналя и заключает: «Легко обнаружить сходство между этими высказываниями и начальными строками радищевской оды „Вольность“, часть которой Радищев включил в „Путешествие из Петербурга в Москву“».

²⁵ Об эволюции взглядов Рейналя см. подробнее книгу Вольпе «Рейналь и его боевая машина». Отметим, что она дает ценный фактический материал, но обходит принципиальную сторону дела. У Вольпе нет попыток включить историю «перензаний» книги Рейналя в рамки общей эволюции просветительской мысли XVIII в., крайне бегло очерчены революционно-демократические идеи последнего издания.

„Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает;
Союзно общество гнетут...”²⁶.

Не будем спорить по поводу определенного сходства идей Рейналя и Радищева — оно налицо. Но Лэнг не улавливает того нового оттенка, который приобрел тезис энциклопедистов к книге Радищева. Целя в русскую действительность, он указывает на совместное угнетение общества «царской властью» и верой.

И это не единственный пример. Тот же Лэнг мимоходом отмечает, что Радищев воспроизвел в своем «Слове о Ломоносове» надпись под бюстом одного из героев Американской революции — Франклина: «Се изторгнувший гром с небеси, и скиптр из руки царей». В примечании Лэнг приводит оригинал этой надписи «Eripuit caelo fulmen, tox sceptrum tyrannis», замечая: «Радищев превращает при переводе „тиранов“ (tyrannis) в „царей“, т. е. монархов вообще»²⁷.

Этим, собственно говоря, исчерпывается «анализ», но ведь дело выходит далеко за рамки чисто лингвистических тонкостей. Постоянное превращение Радищевым тираноборческих тирад в антимонархические весьма существенно для сравнительного анализа идей Рейналя и Радищева, особенно если учесть одну особенность рейналевской «Истории двух Индий», верно подмеченную Вольпе. «Оценивая поджигательские места, которыми изобилует третье издание, — писал он, — надо учитывать, что нападки их абстрактны (leur violence est abstraite). Когда же „История двух Индий“ предлагает конкретные реформы, или когда она обращается к современным монархам, идеи Рейналя выражаются с дистанцией и почтением»²⁸.

Именно в подходе к монархии и абсолютизму (под которым Рейналь понимает любую неограниченную власть) хорошо видны и общность и различие сравниваемых политических концепций. В третьем издании Рейналь переходит от отдельных нападок на абсолютизм к детальному обоснованию его пагубности. «Опыт всех веков» доказал ему, что абсолютная власть убивает ум людей, лишает их мужества, погружает нацию во «всеобщую спячку». В тот момент, когда в центре нации начинает возвышаться «великий призрак», подданные разделяются на «два класса»: запуганное и лишенное всяких прав большинство и слой «второразрядных тиранов», которые хозяйничают в стране, прикрываясь именем короля, «топчут подданных с той же самой беззаботностью, с какой мы давим насекомых, кишащих в пыли наших деревень». Абсолютизм, «содержа в своей свите шпионаж и доносы», изолирует граждан, делает недоверие и страх «основой всеобщего поведения»; здесь «думают мало, говорят еще меньше, боятся доказывать свой взгляд», здесь «ужасаются своих же собственных идей», «философ прячет свою мысль, как богач свое состояние» (III, 514). Появляются в III издании и выпады против теократического правления, при котором «повеления деспота превращаются в изречения оракула, а непослушание подданных считается бунтом против неба» (I, 321, 322).

Сравнивая разные формы правления, Рейналь явное предпочтение отдает республике перед монархией, он считает закономерным историческим процессом замену монархий или деспотий демократиями, хотя и предвидит, придерживаясь теории круговорота, опасность впадения последних в «рабство» (IV, 551—552, 472—473). Но, укрепляясь в ненависти к абсолютизму, отдавая республиканскому правлению явное предпочтение перед монархическим, Рейналь не доходит до последовательного антимонархизма, он считает «благом» даже для свободной Англии,

²⁶ D. M. Lang. The First Russian Radical., p. 107.

²⁷ Ibid., p. 183.

²⁸ H. Wolpe. Op. cit., p. 115.

что там сохраняется ограниченная королевская власть, уравновешивающая посягательства других социальных сил (I, 589—590; IV, 499).

Радищев же, полностью разделяя отношение Рейналя к «самодержавным правлениям», считая пагубными для человечества «все единоначальства», вместе с тем освобождается от остатков монархических иллюзий.

Если Рейналь продолжает искать в истории (пускай редкие!) примеры добрых дел государей, то для Радищева исключения лишь подтверждают общее правило:

«Народы мнили — правят сами,
Но Август выю их давил;
Прикрыл хоть зверство добротой,
Вождаем мягкою душою,—
Но царь когда бесстрастен был!»

Если Рейналь иногда противопоставляет потенциально добрых государей «злым министрам», льстивой «свите» и т. д. (I, 268, 269, 275, 542—543 и др.), то для Радищева государь «не редко бывает... ничто иное, как корабль, направляемый тем ветром, который других превозмогает».

Если Рейналь именуется порой государей «отцами нации», «хранителями общего блага», «судьями народа», если он призывает их не отделять «своих интересов от интересов народа» (I, 591, 488; III, 190, 238 и др.), то у Радищева царь превращается в узурпатора народных прав («злодей злодеев всех лютейший»), первого преступника, который «все совокупил злодеяния» в одном лице.

Более того, именно деятельность «просвещенных» монархов, вроде Фридриха II или Иосифа II, которыми восторгался Рейналь, вызывает язвительные замечания Радищева: первого он считает самодержцем, «коего любезнейшая страсть была всеилие», а о просветительской деятельности второго замечает: «Он был Царь. Скажи же, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в Царской?». Кстати, внимательная читательница «Путешествия» — Екатерина II сразу же почувствовала радищевский антимонархизм: «Сочинитель не любит царей, и где может к ним убавить любовь и почтение, тут жадно прицепляется с редкой смелостию»²⁹.

В целом отношение Рейналя к просвещению королей можно было бы определить как позицию растущего скептицизма. Он снимает в последнем издании оптимистические высказывания о добром случае, который «может дать монархическому правлению хорошего государя». «Если гению и добродетели, ниспосылаемым с неба,— заявляет он теперь,— случится однажды попасть в жилище владыки, то сто тысяч раз они минуют его... в Европе... мы сочли бы великим счастьем видеть после десяти плохих наследников доброго короля хотя бы одного, похожего на него». Появляются в третьем издании и откровенные опасения, как бы обращения к государям не остались «гласом вопиющего во пустыне» (I, 120; III, 3, 203 и др.). Однако этот скепсис не снимает задачи обращения владык на «истинный путь», он скорее подчеркивает трудность ее выполнения.

Радищев же с начала 80-х годов не ограничивается скептицизмом. Он переходит, как, например, в «Житии Ф. В. Ушакова», к систематической борьбе с попытками «просветить» королей. В своей книге Д. М. Лэнг сообщил читателю об этих положениях: «Человеческому терпению есть предел, и это само по себе может стать спасением человечества. Дай бог, чтобы тираны этого мира остались погруженными в свое безумие и неведение, пока отчаяние человечества не обречет их на погибель»³⁰. Лэнг обрывает на этом свой пересказ, забывая привести за-

²⁹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 161, 166; 13, 157; 7, 360, 348. См. также Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева, М.—Л., 1952, стр. 163.

³⁰ D. M. Lang. The First Russian Radical., p. 124.

ключительную часть мысли Радищева: «Да не дерзнет никто совлещи покров сей с очей власти, да исчезнет помышляющий о сем, и умрет во семени до рождения своего»³¹.

Нельзя не признать: купюра сделана весьма прудумованно. При всем своем старании во всех трех изданиях рейналевской «Истории двух Индий» Лэнг не смог бы обнаружить подобной мысли, клеймящей как раз те попытки просветить власть имущих, которые энциклопедисты не оставляли даже в своих наиболее радикальных трудах.

4. ЯВЛЯЛОСЬ ЛИ РАДИЩЕВСКОЕ «ПУТЕШЕСТВИЕ» ОБРАЩЕНИЕМ К МОНАРХАМ?

Правда, Лэнг мог бы возразить, что данная мысль не показательна и для Радищева, поскольку сам он в «Путешествии» занимался де «просвещением царей». Выше мы уже приводили лэнговскую трактовку главы «Спасская Полесь»». В «Путешествии» английский исследователь ищет и другие свидетельства своей правоты. Так, он пишет по поводу главы «Хотилов»: «Покидая карету, Путешественник замечает лежащий в грязи лист бумаги. Выясняется, что он относится к целой связке документов (включающей проекты политической реформы), забытой недавно проезжим по дороге в Петербург. Этот первый листок озаглавлен „Проект в будущем“; он является, не более и не менее, как широко задуманным планом полного преобразования России, типичным для того периода. Изложенный в форме официального манифеста, данного от имени будущего русского царя, проект настаивает на необходимости освобождения рабов... Только семьдесят один год спустя Царь Освободитель Александр II осуществил большинство предложений, пророчески начертанных в запретной книге Радищева». А по поводу главы «Выдропуск» (продолжение «Проекта в будущем») Лэнг замечает: «Если бедный Радищев серьезно воображал, что этот рецепт понравится Екатерине, ее придворным и фаворитам, то он был плохим знатоком человеческой психологии»³². Но «бедный Радищев», якобы не понявший бесплодности своих обращений к Екатерине, не нуждается в сочувствии Лэнга. Сочувствие гораздо уместнее переадресовать английскому исследователю, который так и не смог разобраться в смысле комментируемых глав.

Лэнг построил весь «анализ» «Путешествия» по очень простой схеме, механически разрубив все содержание книги и распределив его между тремя частями своей монографии. Введение и первые главы радищевской книги до главы «Спасская Полесь» пересказаны в I части. Главы от «Подберезья» до «Хотилова» — во II части, остальные главы «Путешествия» — в III части.

Из заключения к I части читатель узнает, что «наивный» Радищев, «увлеченный Рейналем», выступал в роли советника — просветителя царя. Судя по заключению II части, Радищев излагал — от имени того же царя — свой план «либеральных» преобразований. В части же III самим Лэнгом воспроизводится картина казни царя («Тверь») и грядущей крестьянской революции («Городня»). Но, спрашивается, зачем писателю было казнить царя, которого перед этим он столь успешно просветил и сделал орудием своих преобразовательных планов? Может быть, на такую абсурдную идею Радищева опять-таки толкнул Рейналь, у которого обращения к монархам сочетались с революционными призывами? Но когда Рейналь обращался с увещаниями к Фридриху II или Людовику XVI, он вовсе не требовал их казни. Его призывы к расправе имели в виду либо заокеанских рабовладельцев, либо абстрактных деспотов и тиранов.

³¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 167 (Подчеркнуто нами.— Е. П.).

³² D. M. Lang. The First Russian Radical., p. 159—160, 163—164, 167.

Между тем неувязки бесследно исчезают, как только мы начинаем рассматривать главы «Путешествия» не порознь, как это делает Лэнг, а в их взаимной связи. С первых же страниц книги мы действительно видим постоянные попытки положительных персонажей быть «соучастниками во благоденствии себе подобных», действуя в рамках существующего закона, на путях либерального просветительства. Приятель путника Ч. ищет управу на бесчеловечного чиновника у его начальника («Чудово»). Путник, сталкиваясь с новыми злоупотреблениями, начинает размышлять, «каким бы образом могло сие происшествие достигнуть до слуха верховных власти» («Спасская Полесь»). Другой его приятель — Крестьянкин — пытается помочь крестьянам, поступив на службу («Зайцово»). Излагаются в книге от имени царской власти и проекты либеральных реформ («Хотилово», «Выдропуск»).

Однако внимательный исследователь заметит, что о практической осуществимости всех этих начинаний в книге не говорится ни слова. Просвещение монарха оказывается возможным только во сне, служба в царском суде заканчивается разочарованием, проекты освобождения крестьян валяются, как подметил наблюдательный Лэнг, в грязи на проезжей дороге, они брошены самим автором этих бумаг. И следующая за «Хотиловым» и «Выдропуском» глава «Медное» разъясняет нам причину всех этих неудач.

Тот факт, что рассматриваемый в III части монографии Лэнга сюжет главы «Медное» имеет самое непосредственное отношение к рассмотренному во II части «Проекту в будущем», подтверждает сам Лэнг. В «Медном», сообщает он, путнику «попадает другая бумага из связки, оставленной предполагаемым реформатором в „Хотилове“». Скоро он углубляется в этот новый документ, представляющий смелое нападение на продажу крепостных и домашних рабов». Но к какому же выводу приходит реформатор в этом документе, завершающем его проекты о «необходимости освобождения рабов»? Он прямо заявляет, что «великие отчинники» не поступятся своими интересами, «свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения». «С этой фразой, с ее пророческим благовестом революции, — заключает Лэнг, — мы покидаем патетическую сцену в аукционной комнате»³³.

Но английский историк несколько поторопился покинуть данную «патетическую сцену», так и не выяснив до конца ее связь с хотиловскими сюжетами. Ведь если сам «реформатор» пришел к выводу о бесплодности надежд на «верхи», то становится понятным, почему им брошена на станции «Хотилово» столь воодушевлявшая Лэнга связка проектов. Становится понятным и другое — почему следующие за этой сценой главы «Тверь» и «Городня» рисуют картину грядущей народной революции, которая приведет царя на плаху и разобьет «главы безчеловечных господ».

Лэнг, расписывая наивность «бедного Радищева», как-то заметил по поводу хотиловских планов преобразования России: «химерический проект»³⁴. Но «химеричность» проекта прекрасно понимал прежде всего сам Радищев, подводивший читателя всей логикой своих рассуждений к необходимости народной революции. И если исследователь XX в. все еще не может проникнуть в эту логику, то происходит это по простой причине: из-за предвзятости его подхода к «Путешествию» и незнания историографии вопроса.

Между тем история борьбы вокруг «Путешествия из Петербурга в Москву» свидетельствует, что это произведение давно уже перестало рассматриваться как обращение к «философу на троне» — Екатерине II. Так оно расценивалось, правда, многими русскими дореволюционными

³³ D. M. Lang. The First Russian Radical..., p. 170—172.

³⁴ Ср. «The chimerical project occupies our Traveller until he arrives at Thorzok» (D. M. Lang. The First Russian Radical..., p. 167).

историками, которые всячески выпячивали либеральные мысли «Спасской Полести» и «Хотилова», игнорируя общий контекст произведения и замалчивая революционные выводы завершающих глав («Медное», «Тверь», «Городня», «Слово о Ломоносове») ³⁵.

Советская историография, подвергнув анализу революционные идеи «Путешествия», твердо установила, что Радищев — первый русский революционер. Что же касается глав «Спасская Полесь», «Хотилова», «Выдропуск», то имеются следующие основания говорить о критическом отношении автора «Путешествия» к изложенным здесь либерально-просветительским проектам.

1. Вывод главы «Медное» о неспособности «великих отчинников» освободить народ явно противопоставлен проекту освобождения народа «сверху», изложенному в главах «Хотилова», «Выдропуск». Указания на это есть и в дореволюционной (В. А. Мякотин) и в советской литературе (работы В. П. Семенникова, Г. А. Гуковского, Н. И. Громова, Г. П. Макогоненко и др.) ³⁶. Фактически ту же связь подметил, но не понял и сам Лэнг.

2. Так же противопоставлены главы «Спасская Полесь», рисующая картину «просвещения» царя, и «Тверь», описывающая его свержение и казнь. Смысловую связь этих глав отчетливо увидел еще около полувека назад М. Н. Покровский, когда писал: «Уже в самом начале „Путешествия“ (глава „Спаская Полесь“) автор, увидевший себя во сне „царем, шахом, ханом, королем, беem, набобом, султаном“, словом, каким-то воплощением монархического начала и долго любовавшийся своим великолепием, под конец, когда „Истина“ сняла с глаз его бельма, нашел, что одежды его „столь блестящия казались замараны кровью и омочены слезами...“. После сурового реприманда „Истины... „царь, шах, хан и тому подобное“ познал, откуда проистекает мое право и власть“. Конфликт разрешился, таким образом, тем, что сам царь стал республиканцем... Но Радищев отлично понимал, что такого рода мирное решение может получиться только во сне... В конце „Путешествия“ (глава „Тверь“) он дает тому же конфликту, теперь не замаскированному „сновидением“, чисто революционный исход... Центральной картиной „Вольности“ является суд народа над царем за восстание — восстание царя против народа... А за судом следует казнь...» ³⁷.

3. Как в дореволюционной (В. И. Семевский, Н. П. Павлов-Сильванский), так и в советской (Я. Л. Барсков, Д. С. Бабкин и др.) литературе отмечено, что хотиловский «Проект в будущем» включает элементы пародии на екатерининское законодательство и уже хотя бы по этой причине не может безоговорочно считаться искренней попыткой «бедного Радищева» перевоспитать Екатерину. Вот что писал по этому поводу Я. Л. Барсков: «Автор проекта подражал стилю

³⁵ Примером подобной «обработки» Радищева являются статьи Лонгинова, Якушкина, Милокова, Туманова, Губерти и др. в сб. «А. Н. Радищев. Его жизнь и сочинения» (М., 1907). Вместе с тем в отдельных дореволюционных исследованиях Радищев уже характеризовался как демократ и революционер. См., напр., С. Г. Сватиков. Общественное движение в России (1700—1895), Ростов-на-Дону, 1905; В. И. Семевский. Вопрос о преобразовании государственного строя России в XVIII в. и первой половине XIX в. «Былое», 1906, № 1.

³⁶ В. А. Мякотин. Из истории русского общества, СПб., 1902, стр. 215, 217; См. также В. П. Семенников. А. Н. Радищев. Очерки и исследования, М.—Пг., 1923, стр. 74, 76; предисловие Г. Гуковского к I-му тому Полн. собр. соч. А. Н. Радищева, стр. XIII; Н. И. Громов. О композиции «Путешествия из Петербурга в Москву». В сб. «А. Н. Радищев», Л., 1950, стр. 137; Г. П. Макогоненко. О композиции «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. В сб. «XVIII век», М.—Л., 1940, стр. 42 и др.

³⁷ М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры, М., 1918, стр. 329—331. (Подчеркнуто нами.— Е. П.).

Екатерины и сознательно высмеивал императрицу»³⁸.

4. Целый ряд специальных исследований композиции «Путешествия из Петербурга в Москву» показал, что в основе сюжета книги лежит определенная эволюция ее положительных персонажей. В начале выступают герои, протестующие против крепостного права, но уповающие на закон, беспристрастие «верховных властей». Затем, когда действительность показала иллюзорность подобных упований, выступают герои-революционеры. Их выводы, которые разделяет и сам путешественник, являются последним, завершающим словом³⁹.

5. Наконец, в последнее время установлено, что сама терминология и образы революционных глав («Медное», «Тверь», «Торжок», «Городня») специально соотнесены Радищевым с терминологией и образами «либеральных глав» («Спасская Полесь», «Хотилово», «Выдропуск»), что подтверждает факт сознательного противопоставления автором «Путешествия» идей тех и других. В «Хотилове» самодержец ополчался на «сокрушение стоглавного чудовища» (крепостничества) — в «Твери» тот же образ отнесен уже к самой самодержавной власти: «И се чудовище ужасно, как гидра, сто имея глав». В «Хотилове» и «Выдропуске» царь в трогательном «единомыслии» со служителями божества творил подвиги «на пользу общую» — в «Твери» вера и царская власть, суеверие священное и политическое «союзно общество гнетут. Одно сковать разумок тщится, другое волю стерть стремится; на пользу общую рекут» и т. д.⁴⁰

Добрую половину из указанных работ (Барскова, Семенникова, Гуковского, Макогоненко, Павлова-Сильванского, Семевского и др.) Лэнг приводит в библиографии своей книги. Так почему же в тексте ее мы не видим ни малейших попыток осмыслить их содержание?

5. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ОТНОШЕНИИ РЕЙНАЛЯ И РАДИЩЕВА К ГРАЖДАНСКИМ ВОЙНАМ И РЕВОЛЮЦИЯМ

При сравнении политических концепций Рейналя и Радищева важно с наибольшей точностью установить их отношение не только к «верхам», но и к «низам» — движениям масс, революциям.

Хотя Рейналь поднялся до признания прогрессивности революций и прямой пропаганды вооруженной борьбы, все же на страницах третьего издания его книги проскальзывают и иные нотки. Порой Рейналя продолжают страшить «кровопролитие» и «анархия», следующие за освобождением от ярма (I, 146), иногда чувствуется, что он проводит некую грань между справедливыми восстаниями против королев-деспотов (*soulevements*) и несправедливыми бунтами против добрых королей (*revoltes*), хотя в другом месте сам говорит, что название «бунт» придумано угнетателями, чтобы заставить людей забыть об их пра-

³⁸ См. «Материалы к изучению „Путешествия из Петербурга в Москву“ А. Н. Радищева», М.—Л., 1935, стр. 426. (Подчеркнуто нами.—Е. П.); см. также В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII в. и в первой половине XIX в., т. I, СПб., 1888, стр. 218); «„Путешествие из Петербурга в Москву“ А. Н. Радищева», СПб., 1906, стр. XXXVII—XXXVIII, и др.

³⁹ Н. И. Громов. Указ. соч., стр. 141. Подробное обоснование аналогичных выводов см. также Г. П. Макогоненко. Указ. соч.; А. Н. Васильева. О некоторых художественных особенностях «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. «УЗ Московского обл. пед. института», т. XL, 1956; П. Н. Берков. Некоторые спорные вопросы современного изучения жизни и творчества А. Н. Радищева. В кн.: «XVIII век», сб. 4, М.—Л., 1959; Е. Г. Плимак. Правда книги и ложь комментария (к выходу в США «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева). В сб. «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма», М., 1962.

⁴⁰ Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак. О некоторых спорных проблемах мировоззрения А. Н. Радищева, «Исторические записки», т. 66, стр. 161—166. В той же статье см. подробный обзор историографии по перечисленным вопросам и разбор ошибочных мнений некоторых советских авторов, продолжающих по традиции рассматривать «Проект в будущем» как свидетельство собственных либеральных колебаний Радищева.

вах (III, 419, 569; IV, 393 и др.). «„Бунт”, — провозглашал Рейналь, — является страшным средством, но единственным, остающимся в распоряжении человечества в странах, угнетенных деспотизмом» (I, 381). В этой формуле видно не только признание необходимости вооруженной борьбы, но и чувство страха перед этой борьбой. Зачастую Рейналя одолевают раздумья — удастся ли поднять забитый, скованный своими узкими интересами народ на борьбу?

Другой важный факт. Рейналь, считая свободу неотделимой от собственности, включил во второе издание «Истории двух Индий» и сохранил в третьем издании резкие выпады против крестьянских революционных выступлений эпохи Реформации. Говоря о «религиозной и благотворительной системе анабаптистов», он осуждал ее не только за фанатизм, но и за революционно-коммунистические идеалы: «Она казалась основанной на милосердии и мягкости, но произвела она одни разбои и преступления. Химера равенства — одна из самых наиопаснейших в цивилизованном обществе. Проповедывать эту систему народу еще не значит напоминать ему о его правах, это значит толкать его на разбой и убийство, это значит спускать с цепи домашних животных и превращать их в диких животных. Надо смягчать и просвещать либо владык, либо законы» (IV, 268)⁴¹.

Но боязнь восставшего народа, страх перед крестьянским «мщением» отброшены автором «Путешествия» вместе с «химерическим» хотилловским проектом — недаром тот день, когда человечество «возревет в оковах» и двинется на тяжелую власть, Радищев называет днем «избраннейшим всех дней» («Тверь»). Напомним, кстати, что летом 1789 г., когда Радищев завершал работу над своей книгой, французское крестьянство, развязав настоящую жакерию, вырвало радикальные уступки у господствующих классов. «Ведь только при отблесках пламени, пожиравшего подоженные замки дворян, — писал Марат о ночи 4 августа, — проявили они величие души, достаточное, чтобы отказаться от привилегии держать в оковах людей, сумевших вернуть себе свободу с оружием в руках»⁴². С этими мыслями как бы перекликается радищевское «Путешествие»: «Но крестьянин в законе мертв, сказали мы... Нет, нет, он жив, он жив будет, если того восхочет...»⁴³.

Радищев радикальнее Рейналя и в понимании просветительских задач. Заключительные страницы третьего издания «Истории двух Индий» обращены равным образом к народам, которым Рейналь открыл «самые насущные их интересы», и к монархам, в руках которых остается, по его мнению, народная судьба (см. IV, 705—706). Совершенно иное понимание целей «вольного слова» мы видим в «Путешествии»:

«Но мститель, трепещи, грядет;
Он молвит, вольность прорекая,
И се молва от край до края,
Глася свободу, протечет.
Возникнет рать, повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главой паря.
Ликуйте, склепанны народы,
Се право мщенье природы
На плаху возвел о царя»⁴⁴.

⁴¹ Вольпе специально подчеркивает: «В 1770 г. Рейналь с беспристрастием, окрашенным симпатией, вскрывает причины бунта крестьян. Начиная со второго издания он предаёт их анафеме, как некогда Мартин Лютер». Н. Wolpe. Op. cit., p. 80.

⁴² Ж. П. Марат. Избр. произв., т. II, М., 1956, стр. 71.

⁴³ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 362, 305.

⁴⁴ Там же, стр. 4—5.

Выяснение этих существенных различий концепции Рейналя и Радищева позволяет обнаружить явные натяжки Лэнга, когда тот пытается доказать совершенную тождественность революционных призывов «Истории двух Индий» и «Путешествия».

Возьмем одно из высказываний Рейналя, цитируемых Лэнгом: «Нет, нет, рано или поздно справедливость должна восторжествовать. Если бы этого не случилось, я обратился бы к черни. Я сказал бы: „Народы, чей рев столько раз бросал в дрожь ваших господ, чего вы еще ждете? До какой поры будете беречь вы свои факелы и камни ваших мостовых? Хватайте их“ (I, 398). Трудно найти в книге Радищева, — заключает Лэнг, — что-либо превосходящее силу этих тирад».

Но чтобы доказать обратное, не придется утруждать себя поисками. Легко заметить, что тирады Рейналя даны в условном наклонении, в то время как это наклонение отсутствует в соответствующих революционных местах «Путешествия».

Позаимствуем из работы Лэнга еще одно высказывание Рейналя по поводу Американской революции: «Впрочем, эти великие освободительные революции служат уроками для деспотов. Они предупреждают, чтобы они не рассчитывали на слишком продолжительное терпение народов и вечную безнаказанность». Лэнг поставил в этом месте точку, а между тем продолжение особенно показательное для того, что понимал Рейналь под уроками революций: «...Наказание виновных сможет предупредить новые преступления. Страх иногда заменяет правосудие для преступника и совесть для убийцы. Такова сила живого интереса, пробуждаемого в нас всеми освободительными войнами» (VI, 456).

Те же попытки Рейналя извлечь из революционных событий уроки сразу для обеих сторон — и для народов и для деспотов — видны и в его трактовке Нидерландской революции: «Небо несомненно воздвигло этот памятник свободы, чтобы показать народам путь к счастью и чтобы устрашить неверных королей, держащих их вдали от этого пути» (III, 276).

Коль скоро Лэнг начал сравнивать подобные мысли с высказываниями Радищева, то он должен был бы признать, что ничего похожего на тезис: войны за освобождение послужат уроком для деспотов, они заставят их отречься от новых преступлений, нет ни в оде «Вольность», ни в «Путешествии». Радищев солидарен с Рейналем только в одном: прошлые революции послужат уроком для угнетенных народов, они научат их сражаться за свободу.

Последнее сопоставление из монографии Лэнга. Указав, что в главе «Городня» содержится «одна из самых сильных во всей русской литературе XVIII века тирад», Лэнг безошибочно распознает в «сверхестественном пророческом звучании» радищевских слов «эхо знаменитого призыва к освободителю поработенных негров из „Истории двух Индий“ Рейналя»⁴⁵.

Сравним и мы оба текста:

«Вольные люди, ничего не преступившие в оковах, продаются как скоты! О, законы! премудрость ваша часто бывает только в вашем слоге. Не явное ли се вам-посмеяние? Но паче еще того, посмеяние священного имени вольности. О! если бы рабы тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим главы наши, главы безчеловечных своих господ, и кровию нашею обогрили нивы свои! что бы тем потеряло

«Где же он, этот великий человек, которого природа задолжала своим обиженным, угнетенным, измученным детям? Где он? Он появится, не сомневайтесь, он покажется, поднимет священное знамя свободы. Этот почетный стяг соберет вокруг него собратьев по несчастью. Более стремительные, чем горные потоки, они повсюду оставят неизгладимые следы своего справедливого гнева. Испанцы, португальцы, англичане, французы, голландцы, все их тираны

⁴⁵ D. M. L a n g. The First Russian Radical., p. 178—179.

государство? Скоро бы из среды их изторгнулись великие мужи, для заступления избитаго племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены.— Не мечта сие, но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие»⁴⁶.

станут добычей железа и огня. Поля Америки восторженно упьются кровью, которой они жаждали столько времени, а кости несчастных, скопившиеся за три столетия, содрогнутся от радости. Старый Свет будет рукоплескать вместе с Новым. Повсюду будут благославлять имя героя, который восстановит права человеческого рода, повсюду установят памятники в его честь» (III, 203—204).

Сходство революционных идей Рейналя и Радищева действительно налицо, и можно только гордиться этим сходством. Но, взглянув хотя бы на два абзаца, предшествующие рейналевскому призыву, Лэнг нашел бы здесь и то, чего нет у Радищева. Рейналь рассуждает здесь о том, каким образом «ниспровергнуть здание рабства». И вот его вывод: «Короли земного шара, только вы можете осуществить эту революцию... Объедините хоть раз ради счастья мира ваши силы и ваши замыслы, столь часто объединенные на его погибель» (III, 203—204).

А страницей выше тот же Рейналь доказывал рабовладельцам выгоду освобождения рабов и набрасывал детальные планы соответствующих реформ. Заявляя, что нельзя разбивать сразу оковы несчастных, рожденных в рабстве, он предлагает начать освобождение с их детей, оставив их работать до 20-летнего возраста в мастерской своего господина, дабы они могли возместить расходы, связанные с их воспитанием. Следующие 5 лет они должны быть у своего господина в услужении, но уже за плату, установленную законом. Лишь после этого они будут свободны (III, 202).

Правда, Рейналь, как мы уже подчеркивали, почти разуверился в пользе просвещения власть имущих. Поэтому он обрывает свои призывы, перестает обращать «бесполезный глас человечности к народам и их господам». Негры, восклицает он, могут разбить «проклятое ярмо», им не хватает только смелого предводителя, который поднимет их «на месть и резню» (I, 204).

Но из этих рассуждений, увенчанных в третьем издании «призывом к освободителю поработенных негров», ясно одно: Рейналь не безусловно принимает революцию рабов — он грозит ею на тот случай, если «народы Европы» и короли прежде всего не внимут гласу разума.

Напротив, у Радищева перед одной «из самых сильных тирад» главы «Городня» рисовались совсем другие сюжеты. Глава «Тверь» доказывала, что для утверждения вольности нужна революция, казнь царя; глава «Медное» отвергала всякую возможность «вразумления» собственников. Можно сказать, что промелькнувшую у Рейналя в минуту отчаяния мысль о бесполезности обращения «гласа человечности» к господам Радищев превратил в «Путешествии» в последовательно развернутую программу.

6. ПРОБЛЕМЫ БУДУЩЕГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ В КНИГАХ РЕЙНАЛЯ—ДИДРО И РАДИЩЕВА

Мы сравнили в самых общих чертах политические концепции Рейналя и Радищева. При этом, безусловно, могли быть упущены многие моменты как сходства, так и различия разбираемых идей. Выявить суть концепции Рейналя из огромного (в несколько тысяч страниц), к тому же крайне противоречивого труда — задача большой трудности. Не менее сложно передать на нескольких страницах богатство идей радищевского «Путешествия». Но подтвердить правильность основных наметок нашего сопоставления позволит один совершенно конкретный и

⁴⁶ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 368—369.

безусловный пример — просветительские планы будущего преобразования России.

В первом издании своей книги Рейналь, мимоходом касаясь этой темы, принял сторону «здравых наблюдателей», выступавших против «преувеличенного мнения» о преобразовательской деятельности Петра I⁴⁷. Он соглашается, что обширная страна по-прежнему не имеет законов, свободы, богатства, населения, промышленности, что ее цивилизации мешают суровость климата, разобщенность отдельных частей и т. п. Однако будущее России рисовалось Рейналю в довольно ясной перспективе: ее правители должны пренебречь показной славой, перенести внимание с европейских на внутренние дела, превратить Петербург в простой торговый порт, перенести двор в глубь страны. «Именно отсюда мудрый государь сможет связать между собой разрозненные части империи... Он разобьет оковы рабов короны и, если это необходимо, побудит, заставит дворянство последовать этому примеру. Таким образом, возникнет третье сословие, без которого ни один народ не имел ни искусства, ни науки, ни свободы» (изд. 1770, II, 204—205).

По-иному звучат «русские сюжеты» в третьем издании «Истории двух Индий». Перед нами обширное исследование (и не одно, а целых два — в 4 и 19 книгах), в котором явственно чувствуется рука недавно вернувшегося из России Дидро⁴⁸. В рассуждениях о трудностях цивилизации России выделяются крепостное рабство и политический деспотизм как наиболее губительные для прогресса страны. Более четкую политическую характеристику получает в связи с этим деятельность Петра I: «Уважение, которое следует воздать памяти Петра I, не мешает утверждать, что он так и не увидел благоустроенного в целом государства... В то время, как хвала, воздаваемая ему со всех сторон, нарекла его величественным титулом законодателя, сам он едва ли опубликовал два-три закона, да и те носили печать жесткого характера. Он не поднялся до того, чтобы сочетать блаженство своего народа со своим личным величием. После его блистательных нововведений нация продолжала прозябать в бедности, рабстве и в угнетении. Он не пожелал ни в чем поступиться своим деспотизмом, а может быть, еще более его усугубил, оставив своим наследникам ужасную и разрушительную идею, согласно которой подданные — ничто, а государь — все» (I, 636).

Далее Рейналь и Дидро противопоставляют Петру I Екатерину II. Она, оказывается, поняла то, чего не понимали ни сам Петр, ни его непосредственные преемники: «свобода — первое право всех людей» (I, 637). Однако осуществление этой идеи натолкнулось сразу же на препятствия: «В тот момент, когда начали обнаруживаться ее (Екатерины.— *Е. П.*) намерения, более ста тысяч крепостных подняли бунт против этих господ. Многие помещики были убиты в своих имениях.

⁴⁷ Созданию этого «преувеличенного мнения» (*opinion exagérée*) способствовали труды Фонтеннеля, Вольтера, Сен-Пьера и других теоретиков «просвещенного абсолютизма», видевших в Петре I прообраз мудрого законодателя, идеального государя. Хотя эта трактовка вызвала возражения, однако «для большей части общественного мнения Франции оставалась истинной одна лишь версия Вольтера, согласно которой Россия внезапно родилась из небытия, разом догнав цивилизованные нации и все это единой волей гениального государя» (См. A. Lortholary. *Les «philosophes» du XVIII-e siècle et la Russie. Le mirage russe en France au XVIII siècle*, Paris, 1951, p. 71).

⁴⁸ Многие изложенные здесь идеи (о сохранении деспотизма в России, пагубности появления на троне «трех хороших деспотов», план приглашения европейских колонистов и т. д.) встречаются и в «Замечаниях» Д. Дидро на «Наказ», написанных им летом 1774 г., по возвращении из России. См. Дени Дидро. *Собр. соч.*, т. X, Rossi-ca, M., 1947, стр. 419, 424, 426, 467, 510—511. Заметим, что существующее в литературе мнение о том, что Россию посетил в те же годы и аббат Рейналь, не подтверждается последними исследованиями. См. A. Lortholary. *Указ. соч.*, стр. 387—388.

Это волнение, последствия которого могли потрясти государство, заставило понять, что надо приручить медведей, прежде чем разбивать их цепи, и что справедливые законы и просвещение должны предшествовать свободе» (I, 637).

Но и дальше, несмотря на все заботы императрицы об улучшении законов и воспитании своих подданных, дело не пошло на лад. И хотя авторы третьего издания тут же повторяют знакомые нам рекомендации «мудрому государю» (перенести двор внутрь страны, упразднить все виды рабства, создать третье сословие — I, 640), однако прежней уверенности в их осуществимости у них уже нет. Предпосылкой цивилизации России, доказывают Рейналь и Дидро в заключительной части своих рассуждений, может быть только изменение «формы правления». Теперь уже к русским условиям они применяют высказанную ими когда-то мысль: великим несчастьем для страны был бы «справедливый, непреклонный, просвещенный деспот», а еще хуже два или три подобных «благодетеля» подряд (см. IV, 481—482). Действуя вопреки всеобщей воле, путем насилия, но не убеждения, узурпируя, пускай ради общего блага, права людей, «абсолютные господа» разучили бы их мыслить и действовать, погрузили бы нацию в дремоту. «Животных принуждают покинуть плохое пастбище, чтобы перейти на более тучное, но не было бы тиранией применять подобное насилие к человеческому обществу?.. Народы, не разрешайте вашим так называемым владыкам делать против вашей общей воли даже добро...» (IV, 481—482).

Но значит ли это, что авторы «Истории двух Индий» собираются применить провозглашаемый ими принцип самостоятельности народов к России? Ни в коем случае; уже знакомый нам страх перед спущенным с цепи «русским медведем» заставляет их отвергнуть всякую мысль о возможности преобразования России снизу. «В империи, разделенной на два класса людей — господ и рабов, — как сблизить столь противоположные интересы? Никогда тираны не согласятся добровольно упразднить рабство, и, чтобы навязать им этот порядок вещей, потребуется их разорить или уничтожить. Но допустим, это препятствие преодолено, как поднять из рабского отупения к чувству и достоинству свободы народы, столь ей чуждые, что они становятся бессильными или жестокими, как только разбивают их цепи? Без сомнения, эти трудности натолкнут на идею создания третьего сословия, но каковы средства к тому? Пусть эти средства найдены, сколько понадобится столетий, чтобы получить заметный результат!» (IV, 483—484).

Все эти размышления, а лучше сказать, метания Рейналя и Дидро доказывают одно: их полный пессимизм в отношении перспектив общественного преобразования России. Этот пессимизм связан: а) с неверием в реформаторскую деятельность «просвещенного деспота»; б) с установленным ими фактом отсутствия третьего сословия в России; в) с неверием в революционные созидательные силы русского закрепощенного крестьянства.

Казалось бы, уроки пребывания Дидро в далекой России не прошли даром — авторы «Истории двух Индий» осознали лицемерный, показной характер «просвещенного абсолютизма» Екатерины II. «Нет сомнения, — заявляют Рейналь и Дидро, детально разобрав проекты императрицы, — Екатерина очень хорошо чувствовала, что свобода является единственным источником народного блага. Но разве она действительно отреклась от деспотической власти? Читая внимательно ее Наказ депутатам империи, призванным, по-видимому, улучшить законы, разве можно распознать там что-то большее, нежели стремление изменить наименования, зваться монархиней вместо самодержицы, называть народ подданными вместо рабов? Сколь бы слепыми не были русские, разве будут они вечно принимать имя за вещь и разве этой

комедией можно возвысить их характер до той энергии, которую намеревались таким образом пробудить?» (IV, 485).

Но почему же Рейналь и Дидро отказываются учесть в «русских» разделах своей книги другой существенный урок, наложивший печать на все третье издание? Почему, приветствуя всеобщее народное восстание в Америке, они категорически отвергли подобный путь для России? Дело в том, что в Америке революцию совершили колонисты, издавна воспитанные в обстановке свободы, земледельцы, которые не только обрабатывали землю, но и «были ее собственниками», представители уже сложившегося там «третьего сословия», люди, получившие «от всех физических объектов уроки свободы и независимости». В России же Рейналь и Дидро видели один только «варварский» народ, погруженный в рабстве, а потому неспособный ни на освободительную борьбу, ни на созидание.

Уже в первом издании «Истории двух Индий» промелькнула мысль о том, что легче цивилизовать народы, близкие к «естественному состоянию», чем людей, закабаленных (как в Польше или России) рабством (изд. 1770, I, 4). Третье издание окончательно утверждает эту идею.

Стоит сопоставить с этими положениями Рейналя и Дидро высказывания Радищева о будущем России, как выявятся следующие неопровержимые факты:

1) Русский писатель солидарен с авторами третьего издания «Истории двух Индий» в оценке «реформаторской» деятельности русских царей. Все заслуги Петра I не заставили Радищева забыть главного порока его деятельности: он был самодержцем, укрепившим рабство в стране, истребившим «последние остатки дикой вольности своего отечества». Еще более четко и категорически, чем Рейналь и Дидро, Радищев формулирует принципиальный вывод: «Нет и до скончания мира примера может быть не будет, чтобы Царь упустил добровольно что-либо из своей власти, сядя на Престоле»⁴⁹. Разоблачению иллюзий, порожденных эпохой «просвещенного абсолютизма» Екатерины II, русский писатель посвящает и свое главное произведение — «Путешествие из Петербурга в Москву».

2) В «Путешествии» Радищева вместе с тем отсутствует пессимизм, присущий «русским» разделам «Истории двух Индий». Правда, и Радищев осознает всю трудность и длительность преобразования России («О! горестная участь многих миллионов! конец твой сокрыт еще от взора и внучат моих»). Но он верит в революционные потенции народа («Бурлак, идущий в кабак повеся голову и возвращающийся обогранный кровию от оплеух, много может решить доселе гадательное в Истории Российской»). Больше того, как раз вера в грядущую народную революцию (сравни: «Не мечта сие.., я зрю сквозь целое столетие») позволяет русскому революционеру отбросить в «Путешествии» надежды на «просвещение» монархов, следы которых еще оставались в «Истории двух Индий», выработать ясную концепцию революционного просвещения народа. Радищев завершает книгу не уклончивыми фразами, как Рейналь, а совершенно четкой, не допускающей разных толкований мыслью о роли «мужественных писателей», восстающих на «губительство и всесилие»⁵⁰. Народная революция в будущем, приступ к революционному просвещению народа в настоящем — таков предлагаемый радищевским «Путешествием» путь преобразования России.

Лэнг выявляет в своей книге принципиальную общность «Истории двух Индий» и «Письма к другу, жительствовавшему в Тобольске», по всему обыкновению находя в радищевском «Письме» влияние «рейна-

⁴⁹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 150—151.

⁵⁰ Там же, стр. 230, 305, 316, 333, 368, 369, 379, 391—392.

левских тирад»⁵¹. Но за чертами общности он снова не хочет видеть принципиальных различий. Суть же дела состоит в том, что Рейналь и Дидро по существу не видели возможности преобразования России ни «сверху», ни «снизу». Радищев еще более категорически, чем они, отвергая первый путь, признавал и пропагандировал второй.

7. РАЗБОР «РЕШАЮЩЕГО» АРГУМЕНТА Г-НА ЛЭНГА

Однако в запасе у Лэнга остается еще один, казалось бы, решающий аргумент в пользу полной тождественности разбираемых концепций. Мы имеем в виду упомянутое в первом разделе статьи прямое высказывание Рейналя (или Дидро) о предстоящей России «великой революции». Приведем это место в интерпретации английского историка. «Особо знаменательным является предсказание Радищева, сделанное в заключении оды „Вольность“, о том, что Россия будет потрясена революционным катаклизмом и раздроблена на несколько автономных федеративных государств, это событие возвестит царство свободы. Таков же и рецепт Рейналя для Российской империи: „Не было бы при таком состоянии дел наибольшим счастьем для этой непомерно протяженной страны ее расчленение какой-либо великой революцией, ее раздел на несколько небольших смежных государств, причем порядок, установленный в одном из них, распространился бы на другие“ (IV, 484)»⁵².

Прежде всего отметим, что высказывание Рейналя вырвано из 19-й книги, где нельзя обнаружить никаких реальных надежд на возможность преобразования России, а тем более преобразования «снизу» — великой народной революцией. В чем же здесь дело? Может быть, пред нами всего-навсего платоническое пожелание Рейналя, не подкрепленное никакими реальными прогнозами? Отчасти это так, но суть не только в этом. Сам термин «революция», «великая революция» Рейналь применяет сотни раз, понимая под ним любое преобразование общества — смену его правителей, изменение законов, нравов и т. д., преобразование, совершаемое и сверху и снизу. «Великой революцией» именуется и война за независимость в Америке и, например, изменение формы правления в 1723 г. в Швеции, когда граждане, как пишет Рейналь, учредили республиканское правление, не отменяя монархии («никакое потрясение не предшествовало этой великой революции, никакого беспорядка не последовало вслед за ней», I, 574). Вольпе, специально подчеркивая неопределенность термина «революция» у Рейналя, ссылается на любопытный казус: в третьем издании «великой революцией» Рейналь стал именовать постройку мощного французского флота (см. III, 508)⁵³.

Поэтому, чтобы установить, о какой «революции» говорит в данном случае Рейналь (или Дидро), нужно рассмотреть весь текст, а не ограничиваться цитированием одной фразы, как это сделал Лэнг. В разделе о России речь идет, несомненно, о ее политическом преобразовании, но нет никаких оснований утверждать, что под «великой революцией» понимается народное восстание против царского деспотизма, — мы достаточно подробно рассмотрели ход мыслей Дидро — Рейналя, чтобы убедиться в обратном.

Напротив, когда Радищев говорит в оде «Вольность» о том, что будущая великая революция превратит Россию в федерацию свободных государств, то ни один исследователь не будет отрицать того, что речь идет именно о вооруженной народной революции, уничтожающей главный оплот рабства — самодержавие. Совершенно ясные высказывания на этот счет приводились выше, их нет нужды повторять.

⁵¹ См. D. M. Lang. *The First Russian Radical...*, p. 113—114.

⁵² D. M. Lang. *The First Russian Radical...*, p. 112.

⁵³ H. Wolpe. *Op. cit.*, p. 114—115.

8. БУРЖУАЗНАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА И НАУЧНЫЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД

Изучение истории немислимо без выявления как общности, так и разнородности процессов, изменений в их содержании при переходе от эпохи к эпохе, от страны к стране, без изучения их взаимодействия и т. п. С последним моментом приходится особенно считаться историкам общественной мысли. Хотя потребность в тех или иных идеях рождается в каждой стране развитием внутренних классовых антагонизмов, однако влияние зарубежных идей может приобрести в определенные моменты громадное значение. Осмысление опыта более развитых стран позволяет идеологам прогрессивных классов стран более отсталых наметить — пускай в самом общем, первом приближении — перспективы развития собственной страны, далеко не столь ясно различимые при учете одних только местных условий. Маркс недавно отмечал, что теория, отражающая противоречия существующих общественных отношений и характера производительных сил, обнаруживает его не только в данных национальных рамках, а «между данным национальным сознанием и практикой других наций, т. е. между национальным и всеобщим сознанием той или другой нации»⁵⁴.

Возвращаясь к буржуазной компаративистике, можно подумать, что она, казалось бы, и занимается сравнением, сопоставлением идей разных стран. Но разбор изысканий Лэнга лишний раз подтвердил, сколь далеки подобные изыскания от действительно научного сравнения.

Эпитет «буржуазный», отнесенный к компаративистике, наши западные оппоненты воспринимают обычно как кличку, некий «жупел», который должен употреблять каждый советский историк, говоря о западной немарксистской науке. По сути же дела этот термин означает только одно: предвзятость, необъективность исследователей, обусловленную в свою очередь ограниченностью их классового мирозерцания, канонами и догматами того общества, в котором они воспитываются и живут, а то и просто «заказом», откровенно навязанным науке извне — со стороны реакционной политики.

Эти догматы или заказы могут, естественно, варьироваться и меняться. Так, применительно к истории русской общественной мысли, одни «исследователи»-компаративисты (вроде Д. Лэнга или его коллеги Р. Талера) будут доказывать, что концепция Радищева была в основе своей слепком с западной и притом только «либеральной» мысли; другие (например, Г. Роггер, автор книги «Национальное сознание в России XVIII века») будут изучать, как «западничество» XVIII в. переродилось на русской почве в «славянофильство» XIX в.; третьи (как Г. Кон, автор «Духа современной России») будут делить всю русскую мысль на «западничество» и «славянофильство»; четвертые (вроде автора «Русской идеи» веховца Н. А. Бердяева) будут выявлять полную противоположность русского мышления западному (это тоже компаративизм, так сказать, наизнанку).

Но несмотря на внешнее «многообразие» этих концепций, их объединяет одна черта. Сами исходные тезисы здесь носят надуманный, навязанный науке извне характер, а потому и «доказаны» они могут быть только сравнением отдельных надерганных цитат и фраз, путем абсолютизации, непомерного раздувания иногда действительных, а иногда и просто вымышленных элементов сходства или различия в содержании изучаемых идей. Но в любом случае компаративизм — метод идеалистический и метафизический — не может воссоздать реально-го движения общественной мысли через границы веков и наций, он за-

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, М., 1955, стр. 30.

гоняет живой процесс развития в одностороннюю мертвую схему, открывает идеи от породившей их почвы, игнорирует те коренные изменения, которые происходят в общественном сознании под влиянием новых процессов классовой борьбы.

Разобранные нами работы Лэнга и являются лучшим подтверждением сказанного выше. В них мы находим десятки, если не сотни сопоставлений идей Радищева и западных мыслителей: Гельвеция, Мабли, Руссо, Монтескье, Вольфен, Стерна, а прежде всего Рейналя. Но из этого конгломерата цитат нельзя получить объективного представления ни о концепции Радищева, ни о взглядах западных мыслителей, ни об их месте в истории антифеодальной мысли XVIII в., ни о тех изменениях, которые получила западная идеология, преломленная сквозь призму русских условий.

Между тем сопоставление концепций Рейналя и Радищева прекрасно выявляет как общие закономерности развития просветительской антифеодальной мысли XVIII в. (которая двигалась от веры в «просвещенных монархов» к разочарованию в них, от доктрин конституционной монархии к республиканизму, от боязни народных восстаний к прямой пропаганде вооруженной борьбы), так и существенные особенности этого развития в разных странах.

Рейналь и Радищев не только стоят на разных ступеньках эволюции просветительской мысли XVIII в., но и представляют разные — по своей классовой основе — ее направления.

Рейналь — идеолог набирающего силу «третьего сословия», по существу именно с его позиций осмысливает он всю историю прошлого, трактуя ее, само собой разумеется, как историю борьбы всего человечества за «свободу». Он видит в этой истории немало славных страниц: Нидерландскую, Английскую, Американскую революции, он уже прямо говорит о «благее» подобных «счастливых волнений» — гражданских войн за освобождение. Но опыт борьбы показывает Рейналю не только великие победы, но и выгодные и разумные, с его точки зрения, компромиссы нового со старым, «свободы» с королевской властью — недаром английское конституционное устройство представляется ему лучшим строем на земле. Тот же опыт борьбы открывает перед ним и еще одну истину — народ, поднявшийся на борьбу во имя «химер равенства» может не ограничиться борьбой против политического деспотизма, но и покуситься на святая святых — право собственности. Именно поэтому, рассуждая о путях и средствах «цивилизации» государств, Рейналь не хочет связывать себе руки; он возлагает главные надежды на пробуждение в народе «духа беспокойства», его самодеятельность, его «упражнение» в свободе и в то же время видит всю трудность и опасность подобных «упражнений»; он почти не верит в благоразумие королей и в то же время продолжает «вразумлять» их; путь реформаторства, просвещения государей остается для него вполне законной и приемлемой альтернативой революционному пути. Не хочет принимать Рейналь безусловно и ни одного существующего на земле государственного строя: он знает, что монархии вырождаются в тиранию и деспотию, демократии впадают в «анархию», аристократические правления сочетают недостатки тех и других; он считает благотворными для судеб государств и наций не только революции против королевской власти, но и сохранение «ограниченной» королевской власти в царстве «свободы». Он противоречив, «оппортунистичен» (так же как двойственен, оппортунистичен в своих социальных устремлениях представляемый им класс), хотя от издания к изданию линия революционного демократизма все четче и яснее выявляется на страницах «Истории двух Индий» (и это соответствует объективному ходу вещей, толкавших французское «третье сословие» к революционному решению ее спора с абсолютизмом).

Радищев 80-х годов берет у своих западных учителей только революционно-демократические идеи и отбрасывает их либерально-просветительский реформизм. Он не только бесстрашен в разоблачении преступлений господствующих классов, но и до конца последователен в своих выводах. Он отбрасывает остатки веры в просвещение земных «владык», он шлет проклятия людям, занимающимся таким просвещением, полемике с ними он посвящает свое «Путешествие». Он верит только в одно — силу грядущей народной революции, пробужденной вольным словом. С одной стороны, он гораздо последовательнее Рейналя в развитии революционных идей, с другой, — гораздо прямолинейнее, ограниченнее в предлагаемых вариантах, гораздо уже объем той исторической практики, на которой он пытается построить систему своих идей. Но ясно, что именно такой характер переработки западных источников в России, большая последовательность и вместе с тем определенная узость и прямолинейность политической концепции Радищева определялись ничем иным, как классовой основой его идей. Противоречия между крестьянством и феодалами достигли в России в эпоху Радищева такой глубины и остроты, что ни о каком компромиссе этих классов здесь не могло быть и речи (это, как мы помним, отметили Рейналь и Дидро в «Истории двух Индий», сделав, правда, иные выводы, чем Радищев). Невиданная острота социальных антагонизмов в России определила в 80-х годах XVIII в. бескомпромиссность революционной позиции Радищева, перешедшего на сторону крестьян⁵⁵, точно так же, как 50—80 лет спустя она породит русский крестьянский революционный демократизм в его более развитых «классических» формах.

Наконец, сравнивая революционные идеи Франции и России XVIII в., следует подчеркнуть еще одно немаловажное обстоятельство. Само революционное выступление Радищева было для России явлением исключительным — пора революционной демократии была здесь еще впереди. Франция уже в XVIII в. приступила к практическому осуществлению революционных концепций, дав миру плеяду блестящих идеологов и вождей революции. Мы видим здесь еще накануне революции целую гамму оттенков буржуазно-демократической идеологии⁵⁶, — в дальнейшем революция даст последовательное развитие идей буржуазной политической демократии (Робеспьер), замечательные образцы революционной стратегии и тактики (Марат, Сен-Жюст). Наконец, здесь же зарождаются и идеи нового порядка — заговор Бабефа во имя того самого социального равенства, «химера» которого когда-то так напугала авторов «Истории двух Индий».

⁵⁵ Подчеркнем, что в начале 70-х годов самому Радищеву также не были чужды монархические иллюзии. Именуя самодержавие «наипротивнейшим человеческому естеству состоянием», оправдывая сопротивление народа «неправосудному» государю, он вместе с тем писал об идеальном монархе: «Государь есть первый гражданин народного общества» (А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. II, М.—Л., 1941, стр. 241). В оде «Вольность» (начало 80-х годов) «первый гражданин» уже превращается в преступника «изо всех первейшего». Особого рассмотрения требует позиция Рейналя и Радищева в 90-е годы, когда события Французской революции вызвали определенные кризисные явления буржуазной революционной идеологии (осуждение Рейналем в 1791 г. «беспорядков и преступлений» революции, требование «наделить короля силой, необходимой для обеспечения законности»; неприятие Радищевым диктатуры Робеспьера и др.). См. «L'anticolonialisme au XVIII-e siècle. Histoire philosophique etc...». Introduction, choix de textes et notes par Gabriel Esquier, p. 7, 8, а также А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 97—98. Отметим только, что Д. М. Лэнг совершенно неправомерно отождествляет послереволюционные выводы Радищева с его позицией накануне и в первые годы Французской революции. См. D. M. Lang. The First Russian Revolution..., p. 246.

⁵⁶ См. D. Mornet. Origines intellectuelles de la Révolution française (1715—1787), Paris, 1933.

«В последние годы в Советском Союзе и среди западных исследователей усилился интерес к жизни и идеям Радищева, — пишет Лэнг в книге «Первый русский радикал». — Его двухсотлетие было отпраздновано в 1949 г. в России, где печать объявила, что отныне он должен считаться предтечей ленинизма. Это вызвало наводнение брошюр и диссертаций, в которых Радишев, идеалист, защитник свободы, был превращен в материалиста, революционного конспиратора». Те же партийные установки, если верить Лэнгу, привели советских историков на позиции национализма, заставив их изображать Радищева «политическим мыслителем, превзошедшим Монтескье, Руссо и всех других западных писателей XVIII столетия. Те, кто рассматривал Радищева, как выдающегося представителя европейской освободительной радикальной традиции, подвергались высокопарным, шовинистическим нападкам»⁵⁷.

Мы достаточно подробно говорили о принадлежности Радищева к революционной традиции европейского Просвещения XVIII в.⁵⁸, остановимся специально на обвинениях в национализме, брошенных Лэнгом в адрес советской науки.

Вообще говоря, поскольку единый процесс развития мировой общественной мысли протекает в национальных формах, любой историк будет вынужден в определенных случаях констатировать, что мыслитель (или теоретическая мысль) такой-то страны стоит выше мыслителя (теоретической мысли) другой страны. Ничего антинаучного или «националистического» в таких оценках нет — никто не станет оспаривать, что идеологи передовых восходящих классов в одних странах становятся выше своих предшественников из других стран, уже прошедших данный этап развития; ясно, к примеру, что французское Просвещение кануна революции 1789 г. было богаче по своему содержанию английской антифеодальной идеологии кануна революции 1648 г. и т. д.⁵⁹.

Возвращаясь к предмету нашего спора можно указать, что в той же монографии Лэнга содержится признание, что Радишев «развивает дальше» идеи общественного договора Руссо, «независимый подход Радищева к таким классикам XVIII столетия, как Монтескье и Руссо» был виден Лэнгу и при чтении недавно обнаруженных бумаг Радищева, где «критиковалась (это пишет Лэнг! — Е. П.) доктрина разделения властей в идеальном государстве Монтескье, а также идея Руссо о том, что демократический строй возможен только в малых государствах»⁶⁰. Так почему же подобные оценки в устах советских авторов следует считать проявлением... национализма?

Далее. Коль скоро Лэнг выводит этот «национализм» из марксистских установок, то почему он обходит принципиальные высказывания самого В. И. Ленина, например, из его статьи «О национальной гордости великороссов», тем более, что она касается непосредственно Радищева? «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, — писал здесь Ленин, — чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. 9/10 ее населения) поднять до

⁵⁷ D. M. Lang. The First Russian Radical., p. 15, 276.

⁵⁸ Не только революционность, но и материализм Радищева достаточно убедительно доказан советской наукой. Споры идут ныне о характере и последовательности его материалистической концепции. См. «Вопросы философии», 1958, № 5.

⁵⁹ Не надо только забывать некоторых существенных обстоятельств. Мыслитель (или направление) поднимается выше своих предшественников потому, что опирается на них, стоит на их плечах, развивает дальше их идеи. Надо помнить и о крайней узости, условности сравнений «выше», «ниже», особенно когда речь идет о сравнении близких по времени и духу мыслителей или разных по содержанию идей.

⁶⁰ D. M. Lang. The First Russian Radical., p. 75.

сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещиков»⁶¹.

Итак, Ленин действительно считал имя Радищева символом национальной гордости великоруссов, с него он начинал предысторию пролетарского движения в России. Но что говорил здесь же Ленин об отношении русской национальной традиции к западной? Вот его слова: «Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами»⁶². Выделенное Лениным маленькое словечко «*тоже*» несет громадный смысл. Ленин не только не противопоставлял русских деятелей западным, напротив, он гордился тем, что русские борцы за свободу пошли вслед за своими западными собратьями.

Иначе не могло и быть, ибо лозунгом Ленина и партии большевиков была и остается «*интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения*». «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре, — пояснял Ленин. — Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова. Есть *такие же две* культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д.». И, призывая большевиков к борьбе с первого рода «культурой», Ленин учил их отличать, ценить, пропагандировать вторую, подлинную культуру, брать в пролетарскую интернациональную культуру «из *каждой* национальной культуры *исключительно* ее последовательно демократические и социалистические элементы»⁶³. Что общего имеют эти предельно ясные положения с национализмом?

Правда, в руках у Лэнга остается еще один «козырь» — отдельные высказывания советских историков, противопоставлявших русскую и западную просветительскую мысль. Вот одно из них: «Характерно, что при решении социологических вопросов русские просветители подвергли резкой критике многие положения западноевропейских социологов Вико, Макиавелли, Гуго Гроция, Гоббса, Пуфендорфа, Локка, Руссо, Гельвеция и др. и в противовес им выдвинули свои принципы»⁶⁴.

Но, во-первых, всякий, кто сравнит подобные «обобщения» с ленинскими установками, увидит, что они являются результатом забвения ленинских указаний о существовании двух культур в каждой нации. Во-вторых, подобные высказывания критиковались нашей печатью⁶⁵. Искажение ряда фактов в указанной диссертации при исследовании как русской, так и западной мысли XVIII в. отмечал жур-

⁶¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 21, стр. 84—85.

⁶² Там же, стр. 86.

⁶³ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 16; т. 19, стр. 216—217.

⁶⁴ И. Я. Щипанов. Общественно-политические и философские воззрения русских просветителей второй половины XVIII века. Автореферат докт. дис., М., 1953, стр. 20.

⁶⁵ «Было две России и два Запада, — говорилось по поводу приведенной выше «формулы», — Россия Радищева, декабристов, революционных демократов противостоит России Антонских, Руничей, Магницких, Уваровых и Шевыревых, а не Гельвецию и Руссо». См. Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак, Л. А. Филиппов. Какой России принадлежал А. А. Антонский. «Вопросы истории», 1956, № 9, стр. 125.

нал «Партийная жизнь» в передовой «О принципиальности в научной работе». Та же передовая выступила против других искажений связей русского и западного Просвещения. «Известна, например, ленинская характеристика просветительства,— указывалось в ней.— В работе „От какого наследства, мы отказываемся?“ В. И. Ленин пишет: „Как и просветители западно-европейские, как и большинство литературных представителей 60-х годов, Скалдин одушевлен горячей враждой к крепостному праву...” (Соч., т. 2, стр. 427). Но в „Очерках истории исторической науки в СССР”, изданных в 1955 году, из этого ясного положения делается такой вывод: „В этой характеристике даны основные черты, существенно отличающие русских просветителей от западноевропейских” (стр. 228)»⁶⁶. Выступал против нарушений ленинских указаний журнал «Вопросы философии», передовая статья которого критиковала за «нигилистическое отношение к достижениям зарубежной культуры и науки» книгу В. С. Кружкова «Мировоззрение Н. А. Добролюбова»⁶⁷.

Советская партийная печать указывала и на причины подобных ошибок. «Одно из проявлений беспринципности в науке,— писала «Партийная жизнь»,— это готовность (обычно в карьеристских целях) в угоду ложно понятым требованиям времени стать на путь того, что нельзя назвать иначе, чем конъюнктурщина. В. И. Ленин говорил: „Самое верное средство дискредитировать новую политическую (и не только политическую) идею и повредить ей состоит в том, чтобы, во имя защиты ее, довести ее до абсурда” (Соч., т. 31, стр. 44). Тем и опасны приспособленцы в науке, что они, желая представить себя как самых передовых мыслителей, быстро откликающихся на злобу дня, готовы поступиться любой истиной. Если партия выступила против космополитизма, против недооценки русской культуры и науки, то нашлись люди, которые с легкостью дошли до нигилистического отрицания всей западной культуры и науки»⁶⁸.

Поскольку отдельные ошибочные положения имелись в советской литературе, Лэнг был вправе ссылаться на них в своих трудах. Но если бы английский историк обладал хотя бы граном объективности, он должен был бы признать, что эти положения — результат не следования ленинской методологии, а отхода от нее, что это не «господствующая» в советской науке точка зрения, а отвергнутые ею ошибки. Марксизм-ленинизм дает советским историкам единственно верную установку: ценить в равной степени и русскую и западную демократические традиции, выявлять интернациональные связи прогрессивных мыслителей в соответствии с реальными историческими фактами.

Но если источники наших ошибок никоим образом не вытекают из методологии марксизма-ленинизма, то их сохранение легко объясняется недостаточным знанием зарубежного конкретно-исторического материала.

Для буржуазной исторической науки последнего столетия — и дореволюционной русской и зарубежной — характерна тенденция к забвению, умалению революционно-демократических традиций своего же собственного прошлого, стремление всячески приглушить радикализм идеологов буржуазных революций XVIII—XIX вв.

Надо сказать, что советские историки за последние десятилетия сделали очень много для опровержения легенд русской дореволюционной либеральной науки, восстановления подлинного облика первого русского революционера, и никакие усилия Лэнга и подобных ему «изыскателей» не смогут поколебать наших достижений.

⁶⁶ «Партийная жизнь», 1956, № 9, стр. 31—32.

⁶⁷ «Вопросы философии», 1955, № 3, стр. 9.

⁶⁸ «Партийная жизнь», 1956, № 9, стр. 32.

Отметим другой немаловажный момент. Уже В. П. Семенников, автор первой советской работы о Радищеве, выясняя его отношение к событиям Американской и Французской революций, услышал созвучие между строфами радищевской революционной оды «Вольность» и книгой Рейналя «Американская революция». Таким образом, еще в 20-е годы советская историография указала на родство революционных идей французского и русского Просвещения. Впоследствии попытки выявить определенную общность позиций Радищева и его западных учителей предпринимали Г. А. Гуковский, А. И. Старцев и другие советские историки⁶⁹. Но большинство исследователей творчества Радищева, утверждая с фактами в руках революционность Радищева, продолжали игнорировать наличие аналогичных идей во французском Просвещении конца 70 — начала 80-х годов XVIII в. Они дозволялись старыми представлениями о «непричастности» французских мыслителей к идеям народной революции, продолжали по-прежнему считать Рейналя типичным представителем идеологии «просвещенного абсолютизма» и только, который «писал свою книгу с целью наставить и просветить королей, напомнить монархам об их обязанностях»⁷⁰.

Эта формула утвердилась довольно прочно в нашей науке, хотя ей противоречат исторические факты и хотя даже в буржуазной историографии появляются любопытные свидетельства коренных сдвигов в идеологии французского Просвещения конца 70 — начала 80-х годов⁷¹. Отдельные вынужденные признания этих фактов мы выявили и у Лэнга.

Глубокое изучение наследия мировой революционной мысли является насущной потребностью советской науки. И если буржуазная реакционная историография в силу классово-ограниченности неспособна оценить по достоинству и русскую, и западную революционную мысль, то сделать и то и другое должна советская историческая наука. Это и будет — по существу, а не на словах — исправлением допущенных ошибок, выполнением завета Ленина о различении двух культур в каждой национальной культуре, об использовании всех богатств прогрессивного наследия прошлого для строительства интернациональной культуры демократизма и социализма.

* * *

Связь исторической науки с реакционной политикой в буржуазном обществе не всегда существует в открытых, явных формах. Нередко творцы предвзятых реакционных концепций надевают маску «надклассовости», «надпартийности», другие — историки-объективисты вполне искренне считают себя надпартийными, не сознавая того, что нельзя жить в классовом обществе и быть «независимым» от него, как, впрочем, нельзя предотвратить использование того или иного «внепартийного» материала в классово-борьбе⁷².

Д. М. Лэнг — отдадим ему должное — не принадлежит ни к лицемерным, ни к искренним объективистам. Он не упускает ни малейшей

⁶⁹ См. В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования, М.—Пг., 1923, стр. 5—8; Гр. Гуковский. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века, Л., 1938, стр. 172—173; А. И. Старцев. О западных связях А. Н. Радищева. «Интернациональная литература», 1940, № 7—8, и др.

⁷⁰ См., напр., А. Покровский. Государственно-правовые взгляды А. Н. Радищева, М., 1956, стр. 118.

⁷¹ Помимо указ. выше книг Морне, Вольпе см. также В. Фау. *L'esprit révolutionnaire en France et aux Etats-Unis à la fin du XVIII-e siècle*, Paris, 1924.

⁷² Не так давно о любопытном примере «разделения труда» между историками-объективистами и реакционными публицистами рассказал читателям журнала «История СССР» английский историк А. Ротштейн. См. «История СССР», 1962, № 6.

возможности сделать из исторического материала ходкий политический товар. Читатель его монографии, посвященной событиям XVIII в., найдет здесь и басни о комиссарах, «надзирающих» над жизнью советских граждан, домыслы о «правоверных коммунистах», убежденных в том, что «цель оправдывает средства», целую серию клеветнических аналогий между царской и коммунистической «диктатурами», вплоть до оригинальных выводов о «тождественности» приемов Екатерины II, этой «непревзойденной пропагандистки», с советской пропагандой и сходстве вопросов, поставленных Фонвизиним императрице, с теми «актуальными вопросами», которые нынешние корреспонденты адресуют «советским вождям». Наконец, рекорды клеветы Лэнг побивает в заключении своей книги, пытаясь противопоставить идеи Радищева традициям большевизма⁷³.

Некоторые советские рецензенты Лэнга, считая, вероятно, подобные измышления неким «чужеродным» налетом на «чисто» историческом материале, вообще не отмечали своеобразного привкуса его изысканий. Но в них-то и заключается вся соль. Антисоветская ослепленность (иного слова не подберешь) Лэнга обусловила, более чем что-либо другое, несостоятельность всего труда.

«Настало время,— возвестил Лэнг, публикуя свою книгу,— раскрыть жизнь и произведения Радищева на фоне породившей их эпохи и сообщить западному читателю кое-что о его вкладе в европейскую освободительную и гуманистическую мысль».

«Кое-что» зарубежный читатель найдет в лэнговской книге: подробные биографические сведения о Радищеве⁷⁴, перечень многих событий русской жизни XVIII в., многочисленные сопоставления цитат зарубежных просветителей с цитатами Радищева, детальнейший (благо в США вышел недавно английский перевод «Путешествия») пересказ книги. Но обилие фактического материала само по себе еще не определяет научной ценности исторической работы — лишним подтверждением этой истины служит монография Лэнга.

Воистину, за деревьями здесь не видно леса. Биографические подробности начисто заслонили проблему идейной эволюции писателя. Старательнейшим образом пересказывая «Путешествие», Лэнг утерял за деталями основную композиционную нить — переход положительных персонажей книги от либеральных надежд к идее революции. Говоря о «фоне», породившем концепцию Радищева, Лэнг ухитрился обойти суть определяющих политических событий русской и европейской жизни — крах политики «просвещенного абсолютизма» Екатерины II, показавшей бесплодие надежд на «верхи», и уроки победоносных революций XVII—XVIII вв. в Англии, Америке, Франции, доказавших, что дело освобождения народ должен брать в свои собственные руки. Наконец, потуги Лэнга определить вклад Радищева в европейскую «освободи-

⁷³ «Пожалуй, единственный пункт, в котором сходятся Радищев и советские правители,— умозаключает Лэнг,— это необходимость запрета сексуальных излишеств и учреждения строгой морали. Но Радищев выступает за это для того, чтобы укрепить святость семейных уз и искоренить венерические заболевания, в то время как советские правители (в нарушение классической доктрины свободной любви) предпочли — исходя из собственных соображений — набросить на своих граждан серое и унифицированное ярмо пуританской этики». (D. M. L a n g. The First Russian Radical..., p. 277). Читая подобные откровения, не знаешь, чему, собственно говоря, удивляться: то ли патологической злобе английского историка, то ли скудоумию его представлений о коммунизме. Впрочем, у антикоммунистов эти качества неотделимы друг от друга, и монография Лэнга лишний раз демонстрирует их гармоническое единство.

⁷⁴ В монографии Лэнга встречаются в виде исключения и некоторые новые материалы о Радищеве. См. А. Старцев. Дело Радищева в донесениях иностранных дипломатов (По материалам книги английского исследователя Д. М. Лэнга). «Вопросы литературы», 1962, № 1, стр. 251—252.

тельную и гуманистическую мысль» выглядят просто смехотворно, ибо Лэнг извратил облик не только русского писателя, но и его западных учителей. Если прибавить к этому клеветнические домыслы о русской революционной традиции в целом, то картина будет предельно ясна.

Вражда — враждой, а нужда — нуждой, недаром более осторожные коллеги Лэнга, злорадно отмечая отдельные промахи советских историков, все же признают, что без их трудов им ныне уже никак не обойтись⁷⁵.

Лэнг не проявил и тени подобной осмотрительности. Вознамерившись сказать «последнее слово» о Радищеве, он начал с того, что с порога отбросил все обобщения и выводы советской науки (позаимствовав, да и то втихомолку, только второстепенный фактический материал). Но тем самым и «амуниция» Лэнга оказалась обратно пропорциональной его амбиции, а монография «Первый русский радикал» прочно заняла то место, которое ей и подобает,— одно из последних в исторической науке (если не за ее пределами вообще).

⁷⁵ Замечая недостатки некоторых работ по истории русской философии, Э. Лэмперт вынужден признать: «Однако работы советских авторов по истории философской, социальной и литературной мысли в России имеют весьма важное значение, и без них поистине невозможно изучать ее» (См. E. Lampert. *Studies in Rebellion*, London, 1957, p. 261).

